

Кричащая лестница

Автор:

[Джонатан Страуд](#)

Кричащая лестница

Джонатан Страуд

Агентство «Локвуд и компания» #1

Меня зовут Люси Карлайл, и я работаю в агентстве «Локвуд и компания». Нас всего трое: я, Энтони (он же Локвуд) и Джордж. Мы занимаемся тем, что ловим призраков и спасаем от них Лондон. Вообще-то это только звучит просто, на самом деле все гораздо сложнее. Существует великое множество призраков и их разновидностей, и большинство из них смертельно опасны, и даже наше супероружие: рапиры, железные цепи и банки с греческим огнем – не всегда эффективно. Впрочем, в нашем агентстве трусов нет.

На этот раз Локвуд решил отправиться в старинный дом, который вот уже много веков населяют призраки и где находится знаменитая на всю округу Кричащая лестница. С наступлением темноты она издает чудовищные крики. Но есть маленькая проблемка – никто и никогда не выходил из этого особняка живым, а все предыдущие агенты, пытавшиеся разгадать его тайну, погибли. Может, мы просто чокнутые, что взялись за это дело?

Джонатан Страуд

Кричащая лестница

Часть 1. Призрак

О первых нескольких расследованиях по делам о появлении призраков вместе с «Локвудом и Компанией» я распространяться не намерена. Отчасти – чтобы скрыть подлинную личность жертв, отчасти – из-за нежелания подробно описывать ужасные детали тех происшествий, но в первую очередь потому, что, несмотря на все ухищрения, нам так и не удалось полностью довести до конца ни одно из этих ранних дел. Да, это так, и я готова в этом признаться. Ни один из тех ранних случаев не прошел гладко, как мы того ожидали. Хотя нам и удалось изгнать Мортлейкский Ужас – но, увы, не дальше Ричмондского парка, где он, наверное, до сих пор слоняется по ночам среди притихших деревьев. Да, нам удалось уничтожить и Серый Спектр из Олгейта, и явление, получившее название Стучащие Кости, – но только после нескольких (и, по моему мнению, вовсе не обязательных) смертей.

Что же до ползающей тени, что преследовала миссис Эндрюс, подвергая опасности ее рассудок, то эта тень сбежала, но, скорее всего, продолжает где-то болтаться по свету. Так что список наших дел, когда мы с Локвудом прошли туманным осенним днем по дорожке, ведущей к дому номер 62 по Шин Роуд, и позвонили в колокольчик, был далеко не безупречным.

Мы стояли у порога, повернувшись спиной к улице, Локвуд продолжал дергать затянутой в перчатку рукой шнур колокольчика. А я, пока где-то в глубине дома затихало эхо звонка, рассматривала дверь – вздувшийся пузырями от солнечных лучей лак, облупившаяся краска на почтовом ящике. И четыре ромбовидные панели из матового стекла, за которыми ничего, кроме темноты, не было видно. Крыльцо дома, замусоренное прилипшими к ступеням мокрыми буковыми листьями, выглядело каким-то заброшенным и жалким. Такие же листья усыпали всю дорожку и лужайку перед домом.

– А теперь, – сказала я, – запомни наши новые правила. Не болтай о том, что видишь. Не рассуждай вслух о том, кто кого как и когда убил. И прежде всего – никогда не пытайся перевоплощаться в другого человека. Пожалуйста. Это хорошим никогда не кончается.

– Целая куча запретов, Люси. Не слишком ли много? – спросил Локвуд.

– В самый раз.

– Но я в самом деле отлично умею подражать голосам. Легко скопирую любой акцент.

– Вот и славно. Копируй сколько и кого угодно, но только тихо и после того, как уйдешь, а не громко и не прямо перед ними. Особенно остерегайся копировать акцент, когда перед тобой стоит подвыпивший двухметровый ирландский докер-заика, а до ближайшей оживленной улицы не меньше километра.

– Откуда мне было знать, что тот верзила окажется таким проворным, – хмыкнул Локвуд. – Кстати, то, что мы пробежались немного перед работой, даже пойдет нам на пользу. Взбодрит. Ты что-нибудь чувствуешь? – уже серьезным тоном спросил он.

– Еще нет. И вряд ли почувствую, стоя здесь, снаружи. А ты?

Локвуд отпустил шнур звонка, поправил свой воротничок и сказал, оглядевшись вокруг:

– Да, пожалуй. Довольно странно, но в этом саду несколько часов назад случилась смерть. Вон под тем лавровым деревом, что стоит посередине дорожки.

– Надеюсь, ты успокоишь меня тем, что ощутил лишь маленькое посмертное свечение? – Я стояла со склоненной набок головой и закрытыми глазами (так было удобнее прислушиваться к тому, что происходит внутри дома).

– Да, совсем маленькое, – подтвердил Локвуд. – Скорее всего, под тем деревом от лап кошки недавно погибла мышь.

– Ну, смерть мыши к нашему делу отношения не имеет, верно?

– Возможно, что и не имеет, – пожал плечами Локвуд.

За матовыми стеклянными дверными панелями я уловила движение – что-то шевельнулось в черной бездне.

– Кажется, дозвонились, – сказала я. – Она идет. Не забудь о том, что я сказала.

Локвуд нагнулся, чтобы поднять лежащий возле его ног рюкзак. Мы оба слегка отступили от двери и изобразили на лицах любезные, почтительные улыбки.

Подождали. Ничего не произошло. Дверь оставалась запертой.

Похоже, что никого, кроме нас, здесь не было.

Локвуд уже открыл рот, собираясь что-то сказать, и в ту же секунду мы услышали у себя за спиной шаги. Кто-то приближался по дорожке, ведущей к дому.

– Прошу прощения! – из тумана появилась женщина. Она шла медленно, но, увидев нас, слегка ускорила шаг. – Прошу прощения! – повторила она. – Я задержалась. Не думала, что вы так быстро откликнетесь.

Она взобралась по ступенькам крыльца. Женщина была средних лет, довольно полная, с круглым, чуть опухшим лицом. Пепельные светлые волосы тщательно причесаны и скреплены над ушами заколками. На ней была длинная черная юбка, белоснежная блузка и мешковатый шерстяной кардиган с отвисшими карманами. В одной руке женщина держала тонкую папку.

– Миссис Хоуп? – спросила я. – Добрый вечер, мадам. Мы из агентства «Локвуд и Компания». Меня зовут Люси Карлайл, а это Энтони Локвуд. Мы пришли по вашему вызову.

Женщина остановилась на верхней ступеньке крыльца и окинула нас своими серыми глазами – этот взгляд был мне хорошо знаком. В нем читались недоверие, затаенная обида, нерешительность и страх. Обычное дело при нашей профессии, мы давно перестали принимать это близко к сердцу.

Женщина переводила взгляд с меня на Энтони и обратно, оценивая нашу опрятную одежду, аккуратно причесанные волосы, отполированные рапиры,

поблескивающие у нас на поясах, и тяжелые рюкзаки, которые мы принесли с собой. Дольше всего она рассматривала наши лица и пока еще не сделала последнего шага к двери, чтобы впустить нас в дом. Свободную руку она опустила в карман своего кардигана, который от этого оттопырился еще сильнее.

- Вас всего двое? - спросила она наконец.

- Только двое, - ответила я.

- Вы такие молодые.

Локвуд зажег на лице свою улыбку - казалось, она озарила этот хмурый вечер своим теплым светом.

- В том и весь секрет, миссис Хоуп. Вы же сами знаете, что так и должно быть.

- На самом деле я не миссис Хоуп, - на лице женщины промелькнула слабая тень улыбки и тут же исчезла, сменившись тревогой. - Я ее дочь, Сьюзи Мартин. Боюсь, что мама не придет.

- Но мы договорились встретиться с ней, - сказала я. - Она собиралась показать нам дом.

- Я знаю, - женщина опустила взгляд на свои изящные черные туфли. - Думаю, она никогда больше не захочет перешагнуть порог этого дома. Обстоятельства смерти моего отца сами по себе были ужасными, но, что еще страшнее, в последнее время каждую ночь... в доме что-то происходит. Прошлая ночь выдалась особенно беспокойной, после чего мама решила, что с нее довольно. Сейчас она переехала ко мне, а этот дом мы решили продать, но, разумеется, не сможем этого сделать до тех пор, пока не... обезвредим его, - тут она слегка прищурила глаза. - Вот поэтому мы и обратились к вам... Простите, а у вас есть старший инспектор? Я полагала, что при подобных расследованиях обязательно должен присутствовать кто-то из старших инспекторов. Кстати, сколько вам лет?

– Мы уже достаточно взрослые, но все еще достаточно молоды, – с улыбкой ответил Локвуд. – Самый лучший возраст.

– Строго говоря, мадам, – добавила я, – в законе сказано, что присутствие взрослого инспектора во время расследования обязательно только в тех случаях, когда агенты проходят стажировку. Да, крупные агентства действительно всегда присылают на место происшествия взрослых инспекторов, но это их частное дело. Мы же полностью обучены и независимы и потому не считаем присутствие взрослого инспектора необходимым.

– По собственному опыту могу заметить, – любезно сообщил Локвуд, – что, как правило, взрослые только мешают. Что же касается наших лицензий, то, если вам угодно, я готов их предъявить.

Женщина провела рукой по своим гладко зачесанным волосам:

– Нет-нет... В этом нет необходимости. Поскольку мама захотела пригласить именно вас, я уверена, что вы все сделаете как надо.

Голос у миссис Мартин был лишен интонаций и прозвучал довольно неуверенно. А затем мы все ненадолго замолчали.

– Благодарю вас, мадам, – я прервала повисшую паузу и выразительно посмотрела на дверь. – Теперь позвольте задать вам один вопрос: сейчас в доме кто-нибудь есть? Когда мы звонили, мне показалось...

Миссис Мартин стремительно вскинула на меня глаза:

– Нет. Это совершенно невозможно. Ключ от дома только один, и он у меня.

– Понятно. Очевидно, я ошиблась.

– Ну хорошо, не стану вас задерживать, – сказала миссис Мартин. – Мама заполнила анкету, которую вы ей прислали, – она протянула Локвуду кожаную папку. – Она надеется, что ее ответы смогут вам помочь.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответил Локвуд, засовывая папку куда-то себе под куртку. – Большое спасибо. Да, нам, пожалуй, следует приступить к делу. Скажите вашей маме, что утром мы дадим о себе знать.

Миссис Мартин протянула Локвуду кольцо со связкой ключей. Где-то вдали, в тумане, просигналил автомобиль, ему ответил другой гудок. До комендантского часа оставалась еще масса времени, однако ночь уже надвигалась и люди начинали тревожиться – всем хотелось поскорее добраться до дома.

Вскоре на улицах Лондона замрет все движение, они погрузятся в тишину и туман, клубящийся в лучах лунного света. Но кроме тумана на улицах будет еще нечто, но этого не сможет толком рассмотреть ни один взрослый.

Сьюзи Мартин тоже заторопилась. Она расправила плечи и поплотнее запахнула свой кардиган:

– Что ж, пойду и я. Наверное, нужно пожелать вам удачи, – она отвела взгляд в сторону и добавила: – Такие юные! Как ужасно, что наш мир докатился до этого.

– Доброй ночи, миссис Мартин, – сказал Локвуд.

Она не ответила и молча начала спускаться с крыльца. Еще несколько секунд – и ее фигура растворилась в тумане, окутавшем дорожку, которая вела к дороге.

– Она расстроена, – заметила я. – Думаю, что завтра утром они откажутся от наших услуг.

– Значит, все нужно решить сегодня ночью, – сказал Локвуд. – Ты готова?

Я пошлепала ладонью по эфесу своей рапиры:

– Готова.

Локвуд криво улыбнулся, подошел к двери, вставил в замок ключ и театральным жестом повернул его.

Входить в дом, где находится Гость, следует быстро. Это одно из первых правил, которым обучают будущих агентов. Никогда не раздумывай, никогда не мешкай на пороге. Почему? Потому что это последние секунды, когда все еще не слишком поздно переиграть. Ты стоишь перед открытой дверью, в спину тебе дует свежий ветерок, а впереди только тьма, в которой таится неизвестно что, и нужно быть идиотом, чтобы не захотеть плюнуть на все, развернуться и убежать.

И как только ты начнешь думать об отступлении, твоя воля тебя покидает, сердце начинает замирать от страха: раз! – и ты проиграл, еще не приступив к делу. Мы с Локвудом оба знали это правило, поэтому медлить перед открытой дверью не стали. Быстро проскользнули в дом, поставили на пол рюкзаки и тихо прикрыли за собой дверь. Потом постояли немного, прижавшись друг к другу спиной, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам.

Холл в доме, где до недавнего времени жили мистер и миссис Хоуп, был длинным и довольно узким, хотя благодаря высоким потолкам казался просторнее, чем был на самом деле. Пол здесь был выложен по диагонали черными и белыми плитками. Стены холла были оклеены светлыми обоями, а впереди угадывалась уходящая вверх, в темноту, лестница. Дальний конец холла огибал эту лестницу и тонул в беспросветном мраке. Вдоль обеих боковых сторон холла тянулись вереницы открытых дверей – за ними не было видно ничего, кроме все той же угольно-черной тьмы.

Темноту, разумеется, можно было разогнать, включив свет – вот он, выключатель, прямо под рукой справа от двери. Но мы к нему не притронулись. Видите ли, второе правило, которому нас учат, гласит: электрический свет мешает расследованию. Он притупляет остроту восприятия и делает вас слабым и глупым. Слушать и наблюдать гораздо лучше в темноте. А то, что тебе при этом страшно, – даже хорошо: страх обостряет чувства.

Так мы и стояли с Локвудом в темноте, занимаясь каждый своим делом. Я прислушивалась. Локвуд наблюдал. В доме было холодно. Воздух здесь, как и в любом нелюбимом месте, казался сырым и слегка отдавал кислотой.

– Отопление не работает, – шепнула я, наклоняясь к Локвуду ближе.

– Угу.

– Заметил что-нибудь?

– М-м-хм.

Мои глаза постепенно привыкали к темноте, и я начинала различать все больше деталей. У нижнего конца перил стоял маленький полированный столик, на нем – фарфоровая миска с ароматической смесью из сухих цветочных лепестков. На стене – выцветшие от времени плакаты давно сошедших со сцены мюзиклов и фотографии, на которых изображены пологие холмы и спокойное ласковое море. Все это выглядит совершенно безобидным. Пожалуй, не таким уж уродливым был этот холл, каким он показался мне поначалу. В ярком солнечном свете здесь, наверное, очень даже мило. Но только не сейчас, когда последние бледные лучи закатного солнца, проникающие сквозь матовые панели входной двери, падают во мрак и кажутся призрачными перекошенными гробами, внутрь которых аккуратно вписываются наши с Локвудом тени. Да и обстоятельства смерти старого мистера Хоупа, тяжелым камнем лежащие у каждого из нас в мозгу, нисколько этот холл не украшали.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться и отогнать прочь мрачные мысли. Затем закрыла глаза и стала слушать.

Слушать...

Холлы, лестничные площадки и сами лестницы – это артерии и воздушные пути любого здания. Именно по этим каналам все течет и все связывается друг с другом. Благодаря этому – обладая, естественно, слухом – можно уловить эхо событий, произошедших за последнее время во всех примыкающих к этим каналам помещений. Иногда, правда, начинаешь слышать и другие шумы и звуки, зачастую самые неожиданные. Это отзвуки каких-то давних событий или спрятанных вещей...

Именно так произошло и на этот раз.

Я открыла глаза, подхватила с пола свой рюкзак и медленно пошла через холл к лестнице. Локвуд уже стоял там, возле маленького полированного столика под краем перил. Лицо Энтони слабо светилось в падающем сквозь дверные панели свете.

- Что-то услышала? - спросил он.

- Ага.

- Что?

- Негромкий стук. Появляется и пропадает. Очень-очень слабый, и я не могу понять, откуда он идет. Но здесь, возле лестницы, он чуть слышнее. А что у тебя?

- Ты, конечно же, помнишь, что случилось с мистером Хоупом? - Локвуд указал на нижние ступеньки лестницы.

- Он упал с лестницы и сломал себе шею.

- Совершенно верно. Так что неудивительно, что здесь остались многочисленные следы посмертного свечения, хотя прошло уже три месяца. Ты знаешь, оно все еще настолько яркое, что хоть солнечные очки надевай. Итак, коротко освежим в памяти то, что по телефону сказала нашему Джорджу миссис Хоуп. Ее муж шел, споткнулся, скатился с лестницы, ударился и сломал шею, - Локвуд посмотрел на уходящую в темноту лестницу и добавил: - Длинный лестничный пролет. Не самый лучший способ умереть.

Я склонилась, пытаюсь рассмотреть в полумраке пол под лестницей.

- Да, смотри-ка, здесь даже плитки треснули. Он, должно быть, свалился с грохо...

На лестнице раздались два резких удара, лицо обдало струей воздуха. Прежде чем я успела среагировать, прямо на то место, где я стояла, рухнуло что-то большое, тяжелое и мягкое. От звука удара у меня лязгнули зубы.

Я отскочила назад и выхватила висевшую у меня на поясе рапиру. Встала, прижавшись спиной к стене, - поднятая вверх рапира дрожала у меня в руке, сердце бешено колотилось в груди, глаза дико стреляли по сторонам.

Ничего. Лестница по-прежнему оставалась пустой. Не было и неловко вывернутого, лежащего на полу безжизненного тела.

Локвуд небрежно перегнулся через перила. Уверена, что при этом он удивленно приподнял бровь. Правда, утверждать этого не могу – было слишком темно, чтобы это увидеть. Одно знаю наверняка – Локвуд ничего не услышал.

– Люси, с тобой все в порядке?

– Нет, – тяжело выдохнула я. – Я только что поймала эхо последнего падения мистера Хоупа. Звук был очень громким и очень натуральным. Мне показалось даже, что мистер Хоуп упал прямо на меня. Не смейся, это вовсе не забавно.

– Прости. Что ж, хорошо – что-то уже зашевелилось, хотя до ночи еще далеко. Позже будет еще интереснее. Кстати, который час?

Мое третье правило для начинающих агентов: купите себе часы со светящимся циферблатом. Желательно также, чтобы они могли выдерживать резкие перепады температуры и сильные удары эктоплазмы – странного вещества, из которого состоят призраки.

– Пяти еще нет, – ответила я.

– Отлично, – зубы Локвуда светятся, конечно, не так сильно, как мои часы, но его ухмылку легко можно рассмотреть в любой темноте. – У нас масса времени для того, чтобы выпить по чашечке чая. А уж потом отправимся искать Гостя.

2

Когда вы отправляетесь охотиться на злых духов, полезнее всего оказываются самые простые вещи. Посеребренный кончик вашей рапиры, сверкающий в темноте, рассыпанные по полу железные опилки, приготовленные на самый крайний случай запечатанные банки с греческим огнем... Но самая простая и полезная для охотника на привидений вещь – это пакетики с чаем. Лично я предпочитаю черный чай фирмы братьев Питкин с Бонд-стрит, но это уж, как

говорится, дело вкуса.

Да-да, согласна, эти пакетики с чаем не защитят вас так же надежно, как серебряный кончик рапиры или неожиданно вырвавшийся из банки шквал ослепительного огня, но есть в них нечто более важное. Чай поможет вам сохранить рассудок – вот так, не больше и не меньше.

Поверьте, нет ничего приятного и веселого в том, чтобы сидеть в темноте наводненного призраками дома и ждать появления Гостей.

Ночная тьма все сильнее начинает давить на вас, от тишины звенит в ушах, и вот тут-то, если не проявить осторожность, ты начинаешь видеть и слышать странные вещи, которые рождаются в твоём мозгу. Проще говоря, во время охоты на призраков необходимо давать себе передышку, ненадолго отвлекаться на что-нибудь. Каждый из нас, работающих у Локвуда, решает эту проблему по-своему. Я, например, люблю что-нибудь рисовать на клочках бумаги, Джордж всегда носит при себе комиксы, а сам Локвуд читает в минуты затишья так называемую «желтую» прессу – журналы или газеты со сплетнями. Но всех нас объединяет любовь к чаю с печеньем, и та ночь в доме Хоупов не стала исключением.

Мы с Локвудом разыскали в дальнем конце холла кухню. Она оказалась очень уютной, чистенькой, с белыми стенами и оборудованной по последнему слову. Между прочим, здесь было намного теплее, чем в холле. И никаких следов потусторонних сил. Тишина и покой. Придя на кухню, я перестала слышать надоедливый стук, жуткие удары падающего с лестницы тела сюда тоже не доносились.

Я поставила на плиту чайник, Локвуд тем временем зажег масляную лампу и водрузил ее на стол. При ее свете мы сняли с себя рабочие пояса и рапиры и положили их перед собой на стол. В наших рабочих поясах есть семь отдельных кармашков, и, пока закипал чайник, мы молча и внимательно проверили их содержимое. Собственно говоря, мы уже проверяли пояса перед выходом из агентства, но с удовольствием проделали это еще раз. К слову, одна девушка из агентства Ротвелла погибла на прошлой неделе только из-за того, что забыла перезарядить магниевые вспышки.

За окном заходило солнце. Сине-черное небо затягивали легкие облачка, садик перед домом начинал окутываться туманом. А дальше, за темной живой изгородью, загорались огни в других домах.

Эти огни были близко от нас и в то же время так далеко, словно корабли, проплывающие по морю в пределах видимости, но при этом отделенные от тебя бездонной толщей воды.

Проверив рабочие пояса, мы вновь надели их, затем осмотрели ремешки на липучке, которыми вместо ножен крепятся к поясам наши рапиры. Потом я заварила чай, Локвуд достал печенье, и мы уселись за стол. Язычок пламени в стоявшей на столе масляной лампе колебался, заставляя плясать притаившиеся в углах комнаты тени.

Спустя какое-то время Локвуд затянул потуже вокруг шеи воротник своего пальто и сказал:

– Ну что ж, посмотрим, что решила нам рассказать о самой себе миссис Хоуп.

Он протянул свою длинную худую руку, чтобы взять лежащую на столе папку, которую отдала нам Сьюзи. На копне его волос тускло блеснул отсвет масляной лампы.

Пока он читал, я проверила прикрепленный к моему рабочему поясу термометр. Пятнадцать градусов. Не жарко, но терпимо, особенно в такую погоду и в неотапливаемом доме. Затем я достала из кармашка пояса блокнот и записала в него все данные, которые успели накопиться к этому времени, включая слуховой феномен, пережитый мной в холле.

– Да, это было полезно, – сказал Локвуд, отбрасывая в сторону прочитанную папку.

– В самом деле?

– Нет. Иронизирую. Или это называется сарказм? Никогда не понимал разницы.

– Ирония умнее, сарказм ядовитее. Очевидно, это скорее сарказм. Так о чем она рассказывает?

– Совершенно бесполезная чушь. Если говорить коротко, то многоуважаемая миссис Хоуп решила сообщить нам следующее. Они с мужем провели в этом доме два последних года. До этого жили где-то в Кенте. Дальше следует куча ненужных подробностей о том, как они были тогда счастливы. С тоской пишет о том, что там у них не было никакого комендантского часа, в городах не зажигали призрак-лампы и можно было поздно вечером выйти на прогулку, зная, что если кого и встретишь в такой час, так только своих живых соседей. Ну и подобная ерунда в том же духе. Между прочим, я не верю ни единому ее слову. Джордж утверждает, что в Кенте наблюдалось одно из самых массовых появлений призраков – не считая, разумеется, Лондона.

– Я думаю, именно в Кенте и началась Проблема, – заметила я, прихлебывая чай.

– Да, говорят, что это именно так. Ну, короче, затем они почему-то переехали сюда. Никаких манифестаций в доме никогда не замечали. Ее муж сменил профессию, начал работать на дому. Это произошло полгода назад. Ничего интересного и примечательного в их жизни не случилось. А потом он упал с лестницы и умер.

– Вот об этом поподробнее, если можно, – сказала я. – Как он упал? Почему?

– Споткнулся, очевидно.

– Нужно так понимать, что при этом он был один?

– Если верить миссис Хоуп, то да. Она уже легла спать. Падение произошло ночью. Миссис Хоуп пишет, что в последние недели перед смертью ее муж стал несколько рассеянным, плохо спал. Она думает, что он поднялся с постели, чтобы сходить выпить воды.

– Та-а-ак, – проворчала я.

– Думаешь, это она столкнула его с лестницы? – стрельнул на меня взглядом Локвуд.

– Совсем не обязательно. Однако падение могло стать причиной появления призрака. Но призраки мужей, как правило, не преследуют жен, только в крайне редких случаях. Нет, здесь что-то другое, не призрак мистера Хоупа. Ах, как жаль, что миссис Хоуп не решилась быть откровенной с нами! Хотелось бы мне самой взглянуть на нее.

– Ну, внешний вид обманчив, – возразил Локвуд, пожимая своими узкими плечами. – Я не рассказывал тебе про то, как мне довелось встречаться со знаменитым Гарри Криспом? Симпатичный такой мужчина с мягким голосом и сияющими глазами. Общительный, дружелюбный, внушающий доверие. Между прочим, он тогда попросил меня одолжить ему десять фунтов. А потом оказалось, что это один из самых жестоких убийц, которому больше всего на свете нравилось...

– Об этом ты мне уже рассказывал, – остановила я Локвуда, поднимая вверх руку. – Примерно миллион раз.

– Да? – огорчился Локвуд. – Ну хорошо, давай рассуждать дальше. Мистер Хоуп мог появиться в этом доме в качестве призрака не только для того, чтобы преследовать свою жену, так? Возможно, у него осталось здесь какое-то незавершенное дело. Может, он должен был сообщить своей жене что-то важное или, например, показать ей тайник под своей кроватью, в котором спрятаны деньги...

– Ага, может быть. Следовательно, беспорядки в доме начались вскоре после смерти мистера Хоупа?

– Спустя неделю или две после похорон. Правда, все это время миссис Хоуп в доме практически не появлялась, жила у дочери. А когда наконец вернулась, начала ощущать, по ее словам, чье-то присутствие. Но здесь она об этом никаких подробностей не сообщает, – Локвуд постучал ногтем по лежащей на столе папке. – По ее словам, она все рассказала по телефону нашему «секретарю».

– Секретарю? – ухмыльнулась я. – Джорджу очень не понравится, что она его так обозвала. Между прочим, запись ее разговора с ним у меня с собой. Хочешь послушать?

– Давай, – оживился Локвуд, удобнее устраиваясь на своем стуле. – Итак, что же она видела?

Записи Джорджа лежали во внутреннем кармане моей куртки. Я вынула их, развернула и разгладила бумажные листки. Затем быстро пробежалась по ним глазами, прокашлялась и спросила:

– Готов слушать?

– Да.

– Движущаяся фигура. – Я торжественно сложила листки и снова убрала их в карман.

– Движущаяся фигура? – возмущенно моргнул Локвуд. – И все? И больше никаких деталей? Какая она была – большая, маленькая, темная, светлая? Какая?

– Это была, цитирую, «движущаяся фигура, которая появилась в дальней спальне и преследовала меня до самой лестничной площадки». Именно это, слово в слово, она рассказала Джорджу.

Локвуд сердито обмакнул в чай печенье.

– Не самое красочное описание. Думаю, по нему вряд ли ты сможешь хотя бы приблизительно представить, как выглядел призрак, преследовавший миссис Хоуп.

– Да, по такому описанию рисовать нечего, но миссис Хоуп взрослый человек – чего ты от нее хочешь? Взрослые никогда ничего толком не видят. А вот ощущения, которые она описала, гораздо интереснее. Миссис Хоуп почувствовала, что нечто ищет ее и знает, что она здесь, но не может найти. И ощущение это было настолько страшным, что она не смогла его вынести. Потому и переехала к дочери.

– Что ж, это уже немного лучше, – сказал Локвуд. – Она ощутила намерение. Похоже, речь идет о призраке Второго типа. Но что бы ни произошло с покойным мистером Хоупом, сегодня ночью он будет в доме не один. Мы тоже здесь.

Итак... что скажешь? Не пора ли нам выйти и осмотреться?

Я одним глотком допила свой чай и аккуратно поставила пустую чашку на стол:

- Неплохая идея, по-моему.

Мы с Локвудом почти час бродили по лестницам, иногда включая на несколько секунд фонарики, чтобы проверить, что находится внутри той или иной комнаты, но большую часть времени оставались почти в кромешной тьме. Масляную лампу мы оставили зажженной на кухне, положив рядом с ней свечи, спички и запасные фонарики. Есть доброе старое правило - оставлять в тылу хорошо освещенное место, куда ты можешь отступить, если возникнет такая потребность, и иметь разные источники света на тот случай, если Гость уничтожит один из них.

В расположенных в дальнем конце дома кладовке и столовой все было чисто. Воздух в этих помещениях пахнул печалью и плесенью. Все здесь выглядело унылым и нежилым. На столе в столовой лежали аккуратно сложенные в стопку газеты, в темноте кладовки пустили стрелки забытые на подносе сморщившиеся луковицы. Но Локвуд не видел никаких следов присутствия Гостей, а я ничего не слышала. Пропал даже назойливый негромкий стук, который раздавался с той минуты, как мы вошли в дом.

По дороге назад в холл Локвуд внезапно вздрогнул, а у меня зашевелились волосы на руках. Резко упала температура воздуха. Я взглянула на термометр: всего девять градусов.

В передней части дома, по обе стороны холла, располагались две небольшие квадратные комнаты. В одной стоял телевизор, диван, пара удобных мягких кресел. Здесь было теплее, примерно так же, как на кухне.

На всякий случай мы присмотрелись и прислушались, но ничего не обнаружили. Комната по другую сторону холла была обставлена как гостиная - с обычными для нее стульями, шкафчиками, тюлевыми занавесками на окнах и тремя огромными, похожими на папоротник растениями в керамических горшках.

Здесь было немного прохладнее. Термометр показал двенадцать градусов. Меньше, чем на кухне. Это могло не означать ничего. А могло говорить о многом

– кто знает... Я закрыла глаза, сосредоточилась и приготовилась слушать.

– Люси, смотри! – прошептал Локвуд. – Здесь мистер Хоуп!

У меня екнуло сердце. Я резко обернулась, наполовину вытащила из ремешков рапиру, но увидела лишь Локвуда. Он рассматривал стоящую на столике возле окна фотографию, подсвечивая ее фонариком – изображение на фотографии было ограничено ярким кружком золотистого света.

– И миссис Хоуп тоже здесь, – добавил Локвуд.

– Идиот! – разозлилась я. – Еще секунда – и я бы проткнула тебя рапирой.

– Не ворчи, – хмыкнул он. – Лучше взгляни сюда. Ну, что скажешь?

На фотографии пара седых пожилых людей стояла в саду. Женщина – миссис Хоуп – была точной повзрослевшей копией своей дочери, с которой мы имели удовольствие познакомиться сегодня вечером. Круглое лицо, опрятная одежда, ласковая улыбка. Невысокая. Голова миссис Хоуп едва доходила до груди стоявшего позади нее мужчины. Он был высоким, лысеющим, с покатыми округлыми плечами и большими нескладными руками. Он тоже широко улыбался. Мистер и миссис Хоуп держались за руки.

– Счастливая пара, не правда ли? – сказал Локвуд.

Я нерешительно кивнула:

– Однако для появления Гостя Второго типа должна быть причина. Джордж утверждает, что появление призрака Второго типа означает, что кто-то кому-то что-то сделал.

– Да, но у Джорджа мрачный склад мыслей. Кстати, нужно найти телефон и позвонить ему. Я оставил для него записку на столе, но он наверняка будет о нас волноваться. Но вначале давай закончим осмотр.

Никаких следов свечения смерти в этой маленькой гостиной Локвуд не обнаружил, я тоже ничего не услышала, и на этом осмотр первого этажа можно

было считать законченным. Ну что ж, это могло означать только одно: то, что мы ищем, находится на втором этаже.

Стоило мне поставить ногу на нижнюю ступеньку лестницы, как знакомый стук возобновился. Поначалу он был таким же тихим, как раньше, – тук-тук-тук, словно кто-то стучит ногтем по столу или где-то далеко забивают гвоздик в стену. Но когда я стала подниматься по лестнице, с каждой новой ступенькой этот стук становился все громче, все настойчивее. Я сказала об этом Локвуду, который бесформенной тенью тащился у меня за спиной.

– И становится все холоднее, – сказал он.

Локвуд был прав. С каждой ступенькой температура падала – девять градусов, семь, шесть. При этом мы поднялись лишь до середины лестницы. Я приостановилась, окоченевшими пальцами подтянула повыше молнию на куртке, всмотрелась в темноту перед собой. Лестница была узкой, тьма здесь стояла кромешная.

Весь верхний этаж дома был погружен в густую непроглядную темень. Мне страшно захотелось хоть на секунду включить фонарик, но я сдержалась. После вспышки света я бы только окончательно ослепла. Положив одну руку на эфес рапиры, я продолжила медленно подниматься по ступенькам. Стук стал еще громче, а от холода начало пощипывать лицо.

С каждой новой ступенькой стук усиливался, становясь все страшнее и невыносимее. Температура продолжала падать. Было шесть градусов, стало пять. Потом четыре.

Утонувшая в темноте лестничная площадка казалась мне каким-то странным, бесформенным пространством. Слева от меня, словно ряд громадных зубов, тянулись, нависая над моей головой, белые стойки перил.

Я добралась до последней ступеньки, поставила ногу на лестничную площадку...

И стук немедленно оборвался, резко навалилась тишина.

Я взглянула на светящийся циферблат своих часов: четыре градуса. На одиннадцать градусов холоднее, чем на кухне. Я чувствовала, как мое дыхание превращается в пар.

Мы были очень близки к цели.

Локвуд протиснулся мимо меня, на секунду включил фонарик, чтобы осмотреться. Оклеенные обоями стены, закрытые двери, мертвая тишина. Чья-то вышивка в тяжелой раме – выцветшие нитки, выведенные детской рукой буквы: «Милый отчий дом». Вышивка сделана много лет назад, когда дома еще оставались милыми и безопасными и над детскими кроватками не подвешивали железные сетки. Вышивку сделали до того, как возникла Проблема.

Лестничная площадка напоминала по форме букву L – мы с Локвудом сейчас стояли в нижней широкой части, а дальше длинная ось коридора поворачивала, уходя параллельно лестничному маршу.

Пол здесь был деревянный, полированный. В коридор выходило пять дверей: одна была справа от нас, вторая прямо перед нами, еще три располагались с равными интервалами вдоль длинной оси. Все двери были закрыты. Мы с Локвудом тихо постояли, присматриваясь и прислушиваясь.

– Ничего, – наконец сказала я. – Как только мы сюда поднялись, стук прекратился.

– И никаких следов свечения смерти, – добавил Локвуд. По тому, как Энтони тяжело выговаривает слова, я поняла, что он испытывает мелейз – странную заторможенность и тяжесть во всем теле. Такое состояние наступает, когда оказываешься близко к Гостю.

– Леди проходят первыми, – вяло сказал Локвуд. – Давай, Люси, выбирай дверь и открывай.

– Ну уж нет. Вспомни, как я открыла дверь в том приюте для сирот и что из этого вышло.

– Но тогда все закончилось хорошо, верно?

– Только потому, что я успела пригнуться. Ладно, пусть будет вот эта, но только первым заходишь ты.

Я выбрала самую ближнюю дверь, ту, что была справа. Локвуд открыл ее. За дверью обнаружилась ванная комната – в луче фонарика ослепительно сверкнула кафельная плитка на стенах. Кроме большой белой ванны здесь стояли раковина и унитаз, а в воздухе висел аромат жасминового мыла. Ни я, ни Локвуд не почувствовали ничего примечательного, хотя температура в ванной комнате была такой же низкой, как на лестничной площадке.

Локвуд открыл следующую дверь. За ней оказалась большая спальня, превращенная в захламленный кабинет – наверное, самый захламленный во всем Лондоне.

Луч фонарика выхватил из темноты тяжелый деревянный письменный стол, стоящий возле занавешенного окна. Впрочем, самого стола почти не было видно под грудой наваленных на него бумаг. Другие бумаги были кучами разбросаны по всему полу. Настоящий свинарник. Три четверти дальней боковой стены занимали ряды беспорядочно заставленных книжных полок. Еще в комнате были шкафы, старое кожаное кресло возле стола – и запах, слабый запах мужчины. Я различила в нем аромат лосьона после бритья, след табака и даже нотку виски.

Холод стал зверским. Термометр на моих часах показывал всего два градуса.

Я осторожно пробралась между кипами сваленных на полу бумаг к окну и раздвинула занавески – с них полетело столько пыли, что я невольно закашлялась. Комнату залил слабый свет, долетавший из горевших окон домов, расположенных за садом, на другой стороне дороги.

Локвуд рассматривал старинный потертый ковер, слегка двигая его туда-сюда по деревянному полу носком своего ботинка.

– Старые проплешины, – пояснил он. – Раньше этот ковер лежал на кровати, потом мистер Хоуп переложил его на пол, – Локвуд еще раз оглядел комнату и слегка передернул плечами: – Может, призрак мистера Хоупа приходит сюда, чтобы закончить разбирать свои бумаги?

– Возможно, – ответила я. – Во всяком случае, Источник находится именно здесь. Взгляни на градусник. И еще – разве ты не чувствуешь какую-то тяжесть, почти оцепенение?

– Да, – кивнул Локвуд. – К тому же это то самое место, где миссис Хоуп видела свою мифическую «движущуюся фигуру».

Где-то на нижнем этаже с пушечным грохотом хлопнула дверь. От неожиданности мы с Локвудом даже подпрыгнули на месте.

– Думаю, ты права, – сказал Локвуд. – Это то самое место. Нужно очертить здесь круг.

– Опилки или цепи?

– Э... опилки. Опилки подойдут.

– Ты уверен? Еще нет девяти часов, а силу наш Гость показывает уже немалую.

– Ну, не настолько уж большую. Я, конечно, не знаю, чего хочет мистер Хоуп, но не верю, что после смерти он превратился в злого духа. Опилки будут вполне достаточно, – он замялся, и добавил: – К тому же...

– Что «к тому же»? – вопросительно взглянула я на него.

– Понимаешь, я забыл взять цепи. Да не смотри ты на меня так отчаянно.

– Ты забыл взять с собой цепи?! Локвуд!..

– Джордж положил их в масло, чтобы не заржавели, а я не проверил, вынул он их оттуда или нет. Так что, по сути, это вина Джорджа. Послушай, да какие проблемы? Что мы, без цепей не справимся с такой работенкой, как эта? Давай сыпь опилки, а я тем временем проверю остальные комнаты. А потом сосредоточим все внимание на этой.

Ох, многое я могла бы сказать сейчас Локвуду, да только время было для этого не слишком подходящее. Так что я просто тяжело выдохнула:

– Не попади в беду. Не забывай, как тебя во время последнего расследования заперли в туалете.

– Ну да, призрак там меня запер – я же говорил тебе, как это случилось.

– Но перед этим ты уверял, что не чувствуешь никаких следов присутствия Гостя...

Я не успела договорить до конца, как Локвуд уже скрылся.

Чтобы выполнить работу, которая мне предстояла, много времени не потребовалось. Я сгребла в сторону несколько кип пожелтевших бумажных листов, чтобы очистить пространство в середине комнаты.

Затем откинула в сторону ковер и очертила железными опилками круг – небольшого радиуса, чтобы не тратить их слишком много. Этот круг станет для нас с Локвудом убежищем, где при необходимости можно будет скрыться от злых духов, – но кто знает, может, придется чертить и другие круги: это уж зависит от того, что мы обнаружим.

Закончив, я вышла на лестничную площадку и крикнула:

– Спустишь вниз, возьму еще опилок.

– Хорошо, – откликнулся Локвуд из соседней спальни. – Можешь заодно поставить чайник?

– Ага.

Я пошла к лестнице, глядя на открытую дверь ванной. Когда я прикоснулась руками к перилам, мои пальцы обожгло холодом. Я задержалась наверху, внимательно прислушалась, затем начала спускаться в слабо освещенный холл. Когда я прошла несколько ступенек, мне показалось, что сзади раздался шум, словно меня кто-то догонял. Я обернулась, но ничего не увидела. Положив руку на эфес рапиры, я спустилась вниз и пошла по холлу в сторону кухонной двери, из-под которой пробивался теплый желтый свет масляной лампы. Когда я открыла дверь после долгого пребывания в кромешной тьме, даже этот неяркий

свет заставил меня зажмуриться. Я с удовольствием подкрепилась печеньем, сполоснула чашки и поставила чайник. Затем вытащила два брезентовых мешочка с опилками и, держа их в руках, ногой открыла дверь кухни. После яркого света на кухне холл, куда я вышла, показался еще темнее, чем прежде. В доме не было слышно ни звука. Локвуда тоже не было слышно – очевидно, он все еще осматривал спальни наверху.

Я медленно поднялась по лестнице – из относительно тепла в холод, затем в мороз, – держа в обеих руках по тяжелому мешочку с железными опилками. Добравшись до лестничной площадки, я со вздохом поставила мешочки на пол, а когда подняла голову, чтобы окликнуть Локвуда, увидела стоящую передо мной девушку.

3

Я застыла и не могла шевельнуться, только слышала, как тяжело колотится в груди сердце. Отчасти такое состояние можно было объяснить просто шоком от встречи с Гостьей – однако лишь отчасти. Казалось, мою грудь придавил огромный холодный камень, а руки и ноги утонули в липкой грязи. Мозг словно оледенел и отказывался мыслить, я чувствовала, что у меня уже никогда не хватит сил пошевелиться. Нахлынуло отчаяние, все на свете внезапно потеряло для меня всякий смысл, я стояла словно парализованная, молча и неподвижно.

Проще говоря, я испытала призрачный захват, который возникает, когда Гость Второго типа направляет на человека всю свою магическую силу.

Обычный человек так и остался бы беспомощно стоять здесь, позволив Гостю делать с ним все, что угодно. Но я-то была не обычным человеком, а агентом, и мне уже доводилось сталкиваться с таким явлением, как призрак-шок. Я начала яростно, с усилием, через сопротивление и боль глубоко вдыхать морозный воздух – это должно было разогнать окутавший мои мозги туман. Я заставляла себя вернуться к жизни. И вот наконец мои руки дрогнули и смогли медленно потянуться к висевшей у меня на поясе рапире.

Девушка стояла за порогом превращенной в свинарник спальни, силуэт Гостьи четко, как в рамку, вписывался в черный прямоугольник открытой двери. Фигура

девушки была бледной, слегка размытой, однако я рассмотрела, что она стоит босыми ногами на отвернутом в сторону ковре, точнее – в ковре, по щиколотки, как в воду, погрузившись в него. На Гостье было миленькое платье из набивной ткани, с юбкой до колен. Рисунок на ткани – яркие, безвкусные, на мой взгляд, оранжевые подсолнухи. Фасон не современный, давно вышедший из моды. И платье, и руки, и ноги девушки, и ее длинные светлые волосы светились приглушенным, бледным потусторонним светом, словно падавшим откуда-то издалека. А вот лицо...

Лицо девушки казалось сгустком тьмы, на него свет не падал вообще.

Мне показалось, что девушке лет восемнадцать или около того. Чуть старше меня, но совсем ненамного. Не знаю, сколько времени я простояла вот так, не сводя глаз с девушки, у которой не было лица, и медленно, словно сквозь ртуть, сантиметр за сантиметром поднимая руки к своему поясу.

И вспомнила наконец о том, что я в этом доме не одна.

– Локвуд, – позвала я. – Эй, Локвуд...

Я постаралась произнести эти слова как можно беспечнее.

Никогда нельзя демонстрировать Гостям свой испуг, гнев и другие сильные чувства. Гости охотно поглощают эти эмоции и от этого становятся еще проворнее и агрессивнее. Ответа не последовало. Я прокашлялась и попробовала еще раз:

– Эй, Локвуд!..

На этот раз интонация у меня получилась сюсюкающей, будто я разговаривала с маленьким ребенком или обращалась к умильному щеночку. Я старалась как могла, но этот мерзавец Локвуд по-прежнему не откликнулся.

Я повернула голову и позвала громче:

– Локвуд, пожалуйста, подойди сюда...

Наконец откуда-то издали долетел его приглушенный голос.

- Погоди, Люси. Я тут нашел кое-что...

- Прекрасно! Но могу я...

Повернув голову назад, я обнаружила, что девушка приблизилась, она уже почти вышла из спальни на лестничную площадку. Лицо Гостьи все еще оставалось в тени, но вся остальная ее фигура сияла потусторонним светом ярче, чем до этого. Свои костлявые руки с длинными, загнутыми словно рыболовные крючки ногтями, девушка держала прижатыми к бокам. Я заметила, какие худые у Гостьи ноги.

- Чего ты хочешь? - спросила я Гостью и прислушалась.

Обычный человек этого не услышал бы, но у меня в ушах прошелестело:

- Мне холодно.

Фрагменты. Даже с моими способностями редко удается услышать что-то связное. Фрагменты, всегда только фрагменты, отдельные слова или фразы, словно долетевший из немыслимой дали шепот. Но такой жуткий шепот, которого я не пожелаю услышать никому. С того момента, когда откликнулся Локвуд, прошла, казалось, целая вечность.

- Эй, Локвуд! - веселым тоном пропела я. - Ты мне срочно нужен...

Можете поверить - Локвуд откликнулся, но с таким раздражением, с такой неохотой!

- Да погоди ты минутку, Люси. Я нашел здесь кое-что интересное. Уловил свечение смерти - очень-очень слабое. В этой передней спальне когда-то тоже произошло нечто ужасное. След очень слабый, я чуть не потерял его - наверняка это случилось много лет назад. Знаешь, мне кажется, это травматический след.... А это значит - пока только в теории, конечно, я просто выдвигаю свою догадку, - что в этом доме произошло минимум две насильственные смерти.... Что скажешь?

Я через силу хихикнула и ответила:

– Скажу, что могу помочь тебе подтвердить эту теорию, – и пропела окончание фразы: – Если только ты немедленно придешь ко мне-е-е.

– Вся штука в том, – тем временем продолжал Локвуд, – что я не вижу пока никакой связи между той, ранней смертью и смертью Хоупа. Впрочем, Хоупы жили в этом доме только два последних года, верно? Так что вполне возможно, что причиной явлений, которые потрясли миссис Хоуп, был не...

– ...не ее муж! – крикнула я. – Да, так и есть! Это не он!

Короткая пауза. Наконец-то до Локвуда начало что-то доходить.

– Что ты сказала?

– Я сказала, что это был не ее муж, Локвуд! А теперь немедленно иди сюда!

Вы, наверное, заметили, что я перестала сюсюкать и скрывать свои эмоции. Дело в том, что Гостья смогла уловить мое волнение и сейчас медленно выплывала по воздуху из двери спальни. Теперь я увидела, что ногти на ее тоненьких бледных ногах тоже длинные и тоже загнутые.

Но обе мои руки уже лежали на поясе. Одна сжимала эфес рапиры, другая держала в кулаке банку с греческим огнем.

Разумеется, использовать магниевые вспышки в домашней обстановке категорически не рекомендуется, однако в борьбе за собственную жизнь я не упущу ни единого шанса. Пальцы у меня окоченели и в то же время вспотели – они скользили по металлу.

Я уловила движение слева от себя и уголком глаза заметила появившегося на лестничной площадке Локвуда. Он сделал еще шаг и застыл на месте.

– Ах, вот оно что, – сказал Энтони.

Я мрачно кивнула:

- Да, и в следующий раз, когда я позову тебя во время расследования, будь любезен - откликайся чуть поживее.

- Прости. Но я вижу, ты отлично держишься. Она разговаривает?

- Да.

- Что сказала?

- Что ей холодно.

- Скажи ей, что мы все уладим. И не хватайся попусту за оружие, сделаешь только хуже. - Девушка подплыла еще ближе, и в ответ я начала вытаскивать рапиру. - Скажи ей, что мы все уладим, - повторил Локвуд. - Скажи, что мы найдем то, что она потеряла.

Я передала Гостье слова Локвуда, стараясь говорить как можно спокойнее и увереннее. Призрак от моих слов не съежился, не изменил своего вида, не испарился, не улетел - одним словом, не сделал ничего, что согласно «Руководству Фиттис» должен сделать любой Гость, которому вы даете надежду на освобождение.

- Мне холодно, - прошелестел у меня в ушах потусторонний голосок, а затем повторил уже громче: - Мне холодно и одиноко.

- Ну, что там? - Локвуд уловил контакт, но не мог слышать слов.

- Все то же самое, но на этот раз было не похоже, что это говорит девушка. Голос какой-то глубокий и гулкий, и такое эхо, будто он говорит из могилы.

- Скверно, да?

- Да, думаю, это дурной знак.

Я вытащила свою рапиру, Локвуд выхватил свою. Мы стояли, молча глядя на призрак. Есть еще одно правило: никогда не нападай первым. Всегда жди,

пытайся понять намерения Гостя. Наблюдай за тем, что он делает, куда направляется, изучай манеру его поведения. Девушка была сейчас уже так близко, что я могла рассмотреть фактуру ее длинных, спадающих вдоль шеи светлых волос, видела каждую родинку и веснушку на коже. Меня всегда поражало, что визуальное эхо может быть настолько сильным. Джордж называет это «волей к существованию» – когда призрак отчаянно старается сохранить себя таким, каким он когда-то был, не желает потерять ни крупички себя прежнего. Разумеется, не все призраки такие. Здесь многое зависит от того, каким был человек и что именно произошло в тот момент, когда его жизнь подошла к концу.

Мы ждали.

– Ты можешь рассмотреть ее лицо? – спросила я. Видит Локвуд намного лучше меня.

– Нет. Оно закрыто словно вуалью. Все остальное очень ярко светится. Я думаю, это...

Он замолчал на полуслове, потому что я резко подняла вверх руку. На этот раз голос был едва слышен даже мне.

– Холодно, – прошепел он. – Мне одиноко и холодно. Одиноко и холодно... И я мертва!

Потусторонний, клубящийся вокруг девушки свет вдруг ярко вспыхнул, и скрывающая ее лицо темная вуаль наконец приподнялась.

Я вскрикнула. Свечение погасло. Тень метнулась мне навстречу, раскинув свои костлявые руки. Волна ледяного воздуха обрушилась на меня, заставила отступить к лестнице. Я споткнулась о край верхней ступеньки и откинулась назад. Отчаянно уцепившись одной рукой за угол стены, другой я вытащила рапиру. Сейчас я почти висела над самым краем лестницы – ледяной ветер старался сбросить меня вниз, окоченевшие пальцы скользили по гладкой холодной поверхности обоев. Призрачная фигура приблизилась. Я почувствовала, что сейчас упаду.

В этот миг, выписывая в воздухе сложные фигуры кончиком своей рапиры, между мной и Гостьей возник Локвуд. Тень попятилась, подняла руку, чтобы прикрыть свое лицо. Локвуд начертил новый узор – вспышки от стремительно летящего посеребренного кончика рапиры сплелись в сплошную сверкающую стену. Призрак отступил еще дальше, затем съежился и стрелой улетел прочь, в спальню-кабинет. Локвуд бросился в погоню за Гостьей.

Теперь лестничная площадка была пуста. Ледяной ветер стих. Цепляясь за стену, я выволокла себя наверх и опустилась на колени. Волосы, растрепавшись, упали мне на глаза. Одна нога все еще свисала над краем верхней ступеньки.

Я медленно потянулась за своей рапирой. Движение отдалось острой болью в плече – очевидно, цепляясь за стену, я слегка вывихнула руку.

Вернулся Локвуд. Он склонился надо мной и внимательно меня осмотрел.

– Она дотронулась до тебя? – спросил он.

– Нет. Куда она делась?

– Я покажу, – он помог мне подняться на ноги. – Ты уверена, что с тобой все в порядке, Люси?

– Разумеется, – я откинула со лба волосы и вбросила рапиру в кожаную петлю на поясе.

Плечо все еще побаливало, но в принципе со мной действительно было все в порядке.

– Итак, – я направилась к спальне-кабинету, – пойдём разбираться.

– погоди минутку, – Локвуд протянул руку, чтобы придержать меня. – Тебе нужно хоть немного передохнуть.

– Я чувствую себя прекрасно.

– Ты сердишься. А этого не должно быть. Такое нападение кого хочешь застанет врасплох. Я тоже знаешь как удивился.

– Но ты не выронил рапиру, в отличие от меня, – я оттолкнула руку Локвуда. – Послушай, мы зря теряем время. Когда она вернется...

– Рапира... Просто Гостья направила свою силу на тебя, а не на меня. Это тебя она хотела сбросить с лестницы. Думаю, теперь мне понятно, что заставило бедного мистера Хоупа споткнуться. Короче, Люси, я настаиваю на том, что прежде всего тебе нужно успокоиться. Гостья быстро поглотит твою злость и сразу станет намного сильнее.

– Да, знаю, – хмуро пробурчала я. Закрыв глаза, я сделала один глубокий вдох, затем другой, пытаюсь следовать рекомендациям «Руководства Фиттис»: взять себя в руки, привести в порядок свои чувства. Спустя несколько секунд мне действительно это удалось. Я смогла даже приглушить свои эмоции: мысленно схватив свой гнев за шиворот, я выбросила его из головы, и он змеиной шкурой упал на пол к моим ногам.

Я вновь прислушалась. В доме было совершенно тихо, но в этом молчании чувствовалось нечто тревожное – такая тишина бывает во время сильного снегопада, она давит, угнетает. У меня возникло странное ощущение, будто эта тишина наблюдает за мной.

Когда я открыла глаза, Локвуд стоял, засунув руки в карманы своего пальто, и спокойно всматривался в окутавшую лестничную площадку тьму.

Его рапира снова была вде́та в ремешок на поясе.

– Ну как? – спросил он.

– Мне гораздо лучше.

– Гнев прошел?

– Не осталось ни капельки.

– Хорошо. Но если ты все же неважно себя чувствуешь, мы немедленно отправимся домой.

– Мы не отправимся домой, – невозмутимо ответила я. – И я уже объясняла тебе почему. Дочь миссис Хоуп не захочет еще раз впустить нас сюда. Она считает нас слишком юными. Если мы не расколем этот орешек до сегодняшнего утра, она обратится в агентство «Фиттис» или «Ротвелла» и передаст эту работу им. А нам нужны деньги, Локвуд. Так что дело нужно закончить прямо сейчас.

Локвуд не шелохнулся.

– В большинстве других случаев я бы с тобой согласился, – сказал он. – Но сейчас обстоятельства дела, которое мы расследуем, изменились. Нам стало известно, что миссис Хоуп преследует призрак вовсе не ее покойного мужа, а человека, ставшего жертвой убийцы. Ты знаешь, чего можно ожидать – и дожидаться – от такого Гостя. Так что, Люси, если с тобой не все в порядке...

Его снисходительный заботливый тон начинал раздражать, и я спокойно, но твердо ответила:

– Предлагаешь уйти? Но ведь главная проблема не во мне, не так ли?

– Что ты хочешь сказать? – нахмурился Локвуд.

– Я имею в виду железные цепи.

– Ну, началось, – закатил глаза Локвуд. – Послушай, при чем тут...

– При том. Железные цепи входят в стандартный набор каждого агента, Локвуд. Это самая надежная защита, когда ты имеешь дело с сильным призраком Второго типа. А ты, видите ли, забыл взять эти цепи!

– Только потому, что Джордж настоял на том, чтобы их смазать! И, насколько я припоминаю, по твоему совету.

– А, так значит, это моя вина, так, что ли? – воскликнула я. – Да большинство агентов скорее забудут штаны надеть, чем выйти на задание без цепей, но

именно это ты каким-то образом и умудрился сделать. Тебе так не терпелось попасть сюда, что я удивляюсь, как это ты вообще что-то захватил. Между прочим, Джордж советовал нам не спешить с этим делом. Он хотел дополнительно исследовать дом. Но нет – ты отклонил это предложение. Как же, ведь ты у нас старший, ты босс!

– Да! Именно так я решил, и именно потому, что я старший. Это моя обязанность...

– ...принимать неверные решения? Да, с этим я согласна.

Мы стояли, сложив руки на груди, глядя друг на друга сквозь тьму, окутавшую лестничную площадку зараженного призраками дома. Затем лицо Локвуда смягчилось, и на нем, как солнце на небе после дождя, расцвела если не улыбка, то, по крайней мере, дружеская ухмылка.

– Ладно... – сказал он. – Как насчет твоего гнева, Люси? Ты справилась с ним?

– Признаю, я раздражена, – буркнула я. – Но сейчас я злюсь на тебя, а не на Гостью. А это вещи разные.

– Не уверен, что это так, но, предположим, принимаю твою точку зрения, – он коротко хлопнул в ладоши. – Хорошо, твоя взяла. Пусть Джорджу это не понравится, но я думаю, что мы можем рискнуть. Значит, так: я на время отвлеку Гостью, это даст нам небольшую фору. Если поспешим, сможем управиться со всем этим за полчаса.

Я наклонилась, чтобы взять мешочки с железными опилками:

– Давай просто покажи мне это место.

* * *

«Это место» находилось в дальнем конце спальни-кабинета – пустой участок стены между двумя рядами захламленных книжных полок. В резком свете своих фонариков мы рассмотрели, что стена здесь оклеена старыми, грязными, выцветшими, частично отставшими вдоль стыков обоями. На обоях был рисунок –

диагональные ряды аляповатых бесформенных роз.

В центре этого участка стены к обоям кнопками была прикреплена цветная геологическая карта Британских островов. Основание стены скрывалось за наваленными стопками геологическими журналами – высота этих стопок доходила мне почти до пояса. Одна или две стопки были прижаты сверху пыльными геологическими молотками. Я подумала, что, возможно, мистер Хоуп по своей основной профессии был геологом.

Я изучила книжные полки, висевшие по обе стороны пустого пространства, и заметила, что в этом месте стена слегка выступает вперед.

– Старый дымоход, – сказала я. – Значит, она скрылась там?

– Вообще-то она растаяла раньше, чем добралась до стены, но, думаю, что ушла именно туда. Это вполне логично, если предположить, что Источник находится внутри дымохода, разве нет?

Я кивнула. Да, это вполне логично. Дымоход – вполне подходящая полость, чтобы спрятать в ней что угодно.

Мы принялись перетаскивать стопки журналов в другой конец комнаты, чтобы полностью расчистить рабочее пространство. Локвуд хотел сохранить в середине очерченный мной еще раньше круг из железных опилок и сделать к нему свободный проход от стены, поэтому большую часть журналов нам пришлось отнести к самой двери или даже вытащить на лестничную площадку.

Перетаскивая журналы, я едва ли не каждую секунду останавливалась и внимательно прислушивалась, однако в доме было тихо.

Когда мы расчистили достаточно большую площадь, я вытащила из мешочков новую пластиковую банку с опилками и неровно рассыпала их по полу, образовав дугу возле ключевого участка стены. Затем соединила прямой линией концы дуги возле стены, отступив от ее нижнего края примерно на метр – чтобы куски штукатурки, которые будут падать вниз, не разорвали линию опилок. В результате образовалось очерченное опилками пространство, внутри которого хватало места, чтобы встать нам с Локвудом и положить туда же оставшиеся мешочки с опилками. Ах, насколько все было бы проще, не забудь Локвуд взять с

собой цепи!

Заодно я проверила свой первый круг в середине комнаты. Пока мы таскали журналы, в нескольких местах опилки сдвинулись, и я аккуратно вернула их на место, восстановив круг. Локвуд тем временем снял со стены геологическую карту и прислонил ее к столу. Затем спустился на кухню и вернулся оттуда с парой масляных ламп. Время наблюдать и слушать в темноте закончилось, теперь нам нужен был свет. Локвуд поставил лампы на пол внутри нашего полукруга, включил их и направил лучи на пустую стену. Теперь этот участок стены стал напоминать освещенную маленькую сцену.

Все это заняло у нас примерно четверть часа. Закончив приготовления, мы с Локвудом встали наконец внутри очерченного железными опилками полукруга, держа наготове складные ножи и маленький, загнутый на конце ломик – вагу. Воры-домушники называют такие ломки фомками.

– Хочешь услышать мою теорию? – спросил Локвуд, глядя на стену.

– Сгораю от нетерпения.

– Ее убили в этом доме несколько десятилетий назад. Достаточно давно, чтобы призрак успокоился и перестал появляться. А мистер Хоуп устроил в этой комнате свой кабинет, и это каким-то образом пробудило Гостью. Смело можно предположить, что там, в дымоходе, спрятано что-то очень для нее важное. Что-то такое, что притягивает призрак к себе – одежда, какие-нибудь личные вещи или, например, подарок, который она собиралась кому-то сделать. Или...

– ...или вообще что угодно, – перебила я Локвуда.

– Ну да.

Мы все еще стояли и смотрели на стену.

С тех пор как Марисса Фиттис и Том Ротвелл провели свои знаменитые расследования – а было это в самые первые годы после возникновения Проблемы, – стало ясно, что главной задачей каждого агента является поиск и нахождение Источника. Да, разумеется, помимо этого мы выполняем еще массу вещей – создаем заградительные барьеры от злых духов в неблагополучных домах, помогаем защититься от них отдельным людям, ставим соляные ловушки в садах, устанавливаем железные полосы на порогах дверей, подвешиваем обереги над детскими кроватками, снабжаем клиентов лавандовыми ароматическими свечками, призрак-лампами и прочими современными средствами защиты в любом количестве. Но главное в нашем деле – если хотите, смысл работы агента – всегда одно: обнаружить то особое место или предмет, который притягивает к себе каждого конкретного призрака.

О том, как действуют эти самые Источники, не знает никто.

Одни уверяют, что Гости на самом деле обитают внутри Источников, другие считают Источники порталами, соединяющими наш мир с миром потусторонним в тех точках, где граница между ними нарушена жестокостью или чрезмерно сильными эмоциями. У агентов нет времени размышлять о природе Источников. Мы слишком заняты тем, чтобы избежать непосредственного контакта с Гостями, и нам некогда философствовать на отвлеченные темы.

Как верно заметил Локвуд, Источником могло быть что угодно. Например, точное место, где произошло убийство, или особенным образом связанный с личностью умершего предмет, спрятанное им сокровище – да мало ли что. Впрочем, чаще всего (в 73 процентах случаев, согласно исследованиям, проведенным в Институте Ротвелла) Источником является то, что в «Руководстве Фиттис» деликатно называется «персональными органическими останками». А чем окажется Источник на самом деле, вы не узнаете до тех пор, пока не увидите его своими собственными глазами.

Именно это мы и собирались сейчас сделать.

Всего минут за пять мы успели ободрать обои с центральной плиты выбранного нами участка стены. Обои были старыми, клей, на котором они держались, давным-давно высох и превратился в пыль. Мы поддевали ножами края обоев и отдирали сразу целые пласты. При этом часть их прямо у нас в руках рассыпалась в труху, другая часть падала вниз большими, похожими на куски старой кожи, клочьями. Штукатурка под обоями была розовато-белая,

пятнистая, в оранжево-коричневых крапинках от высохшего обойного клея. Очищенная поверхность стены напомнила мне обвалянную в панировке ветчину.

Локвуд взял одну из ламп и стал внимательно изучать стену, проводя пальцами по ее шершавой поверхности и направляя луч света под разными углами, чтобы рассмотреть игру теней на штукатурке.

– Да, здесь была полость, именно в этом месте, – сказал он. – Большая. Потом кто-то ее замуровал. Видишь, как отличается цвет штукатурки?

– Вижу. Думаешь, мы сможем пробиться внутрь?

– Наверняка это будет не слишком сложно, – ответил Локвуд, поднимая свой ломик. – Как там, все тихо?

Я оглянулась через плечо. За границей маленького светового пятна от лампы в комнате не было видно ни зги. Мы с Локвудом находились на ярко освещенном островке, со всех сторон окруженном океаном тьмы. Я прислушалась и ничего не услышала, однако тишина не была нейтральной, она оставалась гнетущей, буквально давила на уши.

– Пока все в порядке, – сказала я. – Но, боюсь, это ненадолго.

– Тогда приступим.

Локвуд взмахнул ломиком и всадил его короткий загнутый конец с зубчиками в штукатурку. На пол дождем посыпались крошки.

Спустя двадцать минут наша одежда была усыпана белой пылью, носки ботинок упирались в груды высыпавшихся из стены обломков. Отверстие, которое мы проделали, было достаточным по высоте и ширине, чтобы в него мог пролезть взрослый мужчина. Под слоем штукатурки обнажились темные доски, намертво прибитые к стене старыми ржавыми гвоздями.

– Любопытно, – сказал Локвуд. На лбу у него блестели капельки пота, а голос показался наигранно бодрым. – Похоже на переднюю стенку от сундука, или на дверцу шкафа, или еще на что-то в том же духе. Видимо, досками забита вся

наша дыра в стене. Такие вот дела, Люси.

- М-да, - отозвалась я и добавила: - Не забывай про опилки.

Перед тем как долбить стену, Локвуд слишком далеко отступил назад и сместил опилки, разорвав линию. Сейчас нужно думать об опилках, а не о том, от чего эта доска. Об опилках, о правилах, о собственной безопасности.

Ах, цепи, цепи, насколько все было бы проще, не забудь их Локвуд! Опилки - вещь коварная. Один раз неловко переставил ногу - и готово: линия нарушена и ты в опасности. Я присела на корточки и принялась тщательно восстанавливать нарушенную Локвудом линию дуги. Услышала, как у меня над головой глубоко вдохнул Локвуд, затем раздался удар лома, впившегося в древесину.

Восстановив линию, я подобрала несколько кусков штукатурки, которые могли вновь стронуть опилки, и выбросила их за пределы полукруга. Затем, опять присев на корточки, я плотно прижала одну руку к половицам и посидела так с минуту, а может, немного больше.

Когда я поднялась на ноги, Локвуду уже удалось слегка расщепить одну толстую доску, но пробиться насквозь он еще не смог. Я дотронулась до его локтя.

- Что? - спросил Локвуд, в очередной раз ударяя по доске вагу.

- Она возвращается, - сказала я.

Стук был слишком слабым, чтобы расслышать его за шумом, который производил Локвуд, но я уловила вибрацию половиц. Сейчас, пока я говорила, он сделался громче - три быстрых толчка, затем жуткий глухой удар упавшего тяжелого мягкого тела. Потом тишина - и вновь та же цепочка звуков. Акустическая память падения мистера Хоупа с лестницы.

Я рассказала Локвуду о том, что слышу.

- Понял, - коротко кивнул он. - Это ничего не меняет. Продолжай следить и не позволяй ей выбить тебя из колеи. Только этого она и добивается. Распознала в

тебе наше слабое звено.

- Прости, - моргнула я. - Повтори, что ты сказал?

- Люси, сейчас не время. Я имел в виду наше эмоционально слабое звено.

- Что? Думаешь, так звучит лучше?

- Я имел в виду... - Локвуд тяжело вздохнул. - Ну, короче, твой Дар намного тоньше, чувствительнее моего, но именно поэтому ты больше подвержена влиянию сверхъестественных сил, а это в таких ситуациях, как нынешняя, может вызывать определенные проблемы. Все о'кей?

Я уставилась на него:

- На мгновение мне показалось, что это говоришь не ты, а Джордж.

- Перестань, Люси. Давай больше не будем отвлекаться.

Локвуд повернулся лицом к стене, я - лицом к комнате.

Ожидая Гостю, я вытащила свою рапиру. В комнате было темно и тихо. Только в ушах у меня бесконечно повторялось: бум, бум... Бах!

Затрещало дерево, и я поняла, что ломик Локвуда пробил в доске щель и теперь он изо всех сил старался ее расширить. Скрипели заржавевшие гвозди.

Одна из наших ламп начала медленно гаснуть. Ее пламя замигало, побледнело, уменьшилось, умирая. Но вторая лампа продолжала гореть. С одной лампой изменилось освещение в комнате - теперь по полу закачались наши с Локвудом искаженные тени.

По комнате пронесся неожиданный порыв ледяного ветра. Я услышала, как зашевелились, зашуршали лежащие на столе бумаги.

– Ты решила, что она хочет, чтобы мы сделали это, – тяжело дыша, сказал Локвуд. – Ты решила, что она хочет, чтобы мы нашли ее.

На площадке громко хлопнула дверь.

– Похоже, это не так, – сказала я.

Где-то в доме застучали другие двери, одна за другой, семь раз кряду. Издалека послышался звон разбившегося стекла.

– Проклятье! – сердито проворчал Локвуд. – Это все из-за тебя. Попробуй что-нибудь еще.

Неожиданно повисла мертвая тишина.

– Сколько раз я тебя просила не дразнить их! – сказала я. – Это никогда ничем хорошим не кончается.

– Ладно, ладно. Приготовь барьер. Мы почти у цели.

Я наклонилась, чтобы залезть в свой рюкзак. Мы всегда берем с собой целый набор самых разных предметов, которые должны нейтрализовать, запечатать любой найденный Источник. Все эти предметы сделаны из металлов, которых не выносят Гости, – из серебра и железа. Размеры и формы их могут быть самые разные – коробки, трубки, гвозди, сетки, кольца, полоски, цепочки. «Ротвелл» и «Фиттис» специально заказывают все это с логотипом своего агентства. Мы, в агентстве Локвуда, используем самые простые, ничем не украшенные печати. Ведь логотип – далеко не самое главное. Куда важнее правильно установить барьер, определить минимальный размер просвета, который перекроет Гостю проход.

Я выбрала металлическую сетку – тонкую, но мощную, сплетенную из серебряных колечек.

Она была аккуратно сложена, но если ее развернуть, такой сеткой можно закрыть довольно большой предмет. Я сжала ее в ладони, поднялась на ноги и

стала наблюдать за тем, что происходит со стеной.

Локвуду удалось слегка расщепить доску – щель в ней походила на сделанный из непроглядной тьмы клин. Локвуд тянул, бил ломиком, расшатывал доску, пыхтя от напряжения. Его ботинки находились в опасной близости от нашей заградительной линии из железных опилок.

– Пошла, – сказал он.

– Хорошо, – ответила я, снова поворачиваясь лицом к комнате.

А там, прямо у самой черты полукруга, передо мной стояла мертвая девушка.

Холодный сумеречный свет падал ей на лицо, и я впервые увидела ее такой, какой она была когда-то, давным-давно, перед тем, как с ней случилось то, что случилось. Она была красивее меня – круглощекая, с маленьким прямым носиком, полными губами и большими умоляющими глазами. Я всегда инстинктивно недолюбливала девушек такого сорта – податливых и глупых, равнодушных ко всему, что их не касается, а во всем остальном рассчитывающих добиться своего за счет обаяния. Мы стояли с ней лицом к лицу – длинноволосая блондинка и темная шатенка с покрытыми пылью от штукатурки волосами. Она – босоногая, в легком летнем платье, я – с красным носом, дрожащая от холода в своей юбке, леггинсах и пуховике. Если бы не железная линия, мы могли бы коснуться друг друга. Кто знает, может, именно этого ей и хотелось, а невозможность сделать это еще сильнее разжигала ее гнев.

Лицо девушки ничего не выражало, но меня обдавали волны исходящей от нее ярости.

Я издевательски отсалютовала Гостье сжатой в ладони железной сеткой. В ответ из тьмы налетел порыв ледяного ветра, обжег мне щеки, взъерошил волосы, ударился о барьер из железных опилок, слегка пошевелив их.

– Нужно поторапливаться, – сказала я.

Локвуд закричал, послышался треск ломающейся древесины.

По всей комнате началось движение – с шелестом стали переворачиваться страницы журналов, задвигались книги, птицами взлетели в воздух пыльные бумажные листы. Ветер прилепил мою куртку, завыл в углах комнаты. Гостья стояла, глядя сквозь меня так, словно это не она, а я была соткана из воспоминаний и воздуха.

Рядом с моими ботинками зашевелились, начиная расползаться, железные опилки.

– Быстрее, – сказала я Локвуду.

– Готово! Давай барьер.

Я стремительно повернулась – главное при этом не заступить за черту – и протянула Локвуду сложенную сетку. В этот момент Локвуд в последний раз ударил ломиком, и доска наконец сдалась. Она треснула по всей ширине у нижнего края пробитой в штукатурке дыры и вывернулась вперед, потянув за собой еще две доски, скрепленные с ней прибитыми гвоздями планками. Ломик неожиданно проскочил внутрь, из-за чего Локвуд потерял равновесие, покачнувшись и наверняка вылетел бы за линию опилок, если бы я не поддержала его.

Секунду мы балансировали над опилками, вцепившись друг в друга.

– Спасибо, Люси, – сказал Локвуд. – Чуть не влипли.

Он ухмыльнулся. Я облегченно кивнула в ответ.

В этот момент на нас повалились выломанные доски – и за ними открылась пустота.

Мы должны были предвидеть, что нас ждет. Разумеется, должны были – но все равно это был шок. И совсем не лучший вариант, когда ты испытываешь шок, не успев при этом восстановить равновесие. А мы с Локвудом все еще качались на краю железной черты. Так что как следует рассмотреть то, что открылось внутри замурованного дымохода, я не смогла – мешали наши перепутавшиеся руки и ноги и то, что при этом Локвуд, стараясь удержаться за границей

очерченного полукруга, навалился на меня.

И все же я успела увидеть достаточно много. Достаточно для того, чтобы увиденное огнем обожгло мой мозг.

У той, что была внутри дымохода, все еще сохранились светлые волосы, сильно запачканные сажей и пылью и так плотно оплетенные паутиной, что трудно было сказать, где кончаются волосы, а где начинается паутина. Все остальное, кроме волос, распознать было намного труднее – обнажившиеся пожелтевшие кости, оскаленные, лишенные губ зубы, прилипшие к скелету лоскуты сморщившейся потемневшей кожи. Все это уже лет пятьдесят простояло в узкой кирпичной нише. С обнажившихся костей свисали лохмотья красивого летнего платья – того самого, с оранжево-желтыми подсолнухами, которые и сейчас просвечивали сквозь кокон паутины.

А дальше я не удержалась на ногах и грохнулась на пол. Навзничь. Приложилась затылком к половицам, и из глаз у меня посыпались искры.

А спустя еще секунду на меня всем своим весом навалился упавший Локвуд. Я охнула.

Затем искры исчезли, мозги прочистились и я открыла глаза. Я лежала на спине, по-прежнему сжимая в ладони серебряную сеть, которую, оказывается, не выронила и не потеряла. Это была хорошая новость.

Но была плохая: я снова выронила свою рапиру.

Локвуд уже скатился с меня куда-то вбок. Я тоже перекаталась, вскарабкалась на корточки, бешено огляделась по сторонам, ища свое оружие.

Но вместо своей рапиры я увидела беспорядочно сбившиеся в кучу железные опилки, которые мы стронули с места, когда падали, Локвуда, стоявшего на коленях опустив голову, с развевающимися на ветру волосами и пытающегося вытащить рапиру, застрявшую под его длинным тяжелым пальто.

И молча плывущую над ним призрачную девушку.

– Локвуд!!!

Он резко вскинул голову. Пальто туго перекрутилось вокруг его коленей и не давало возможности дотянуться до пояса. Времени вытащить рапиру у него не было.

Девушка спланировала ниже, оставляя за собой тонкий шлейф потустороннего света, и протянула к лицу Локвуда свои длинные бледные руки.

Я не раздумывая выхватила из кармашка на поясе банку с греческим огнем и швырнула ее. Банка разминулась с Гостьей и грохнулась о стену. Хрустнул стеклянный предохранитель. Ослепительная вспышка магния насквозь пронзила своими лучами Гостью, и ее фигура исчезла в туманном облаке. Локвуд тряс головой – в его волосах продолжали догорать искры магния.

Греческий огонь – прекрасная вещь, кто бы спорил. Эта смесь мелких железных опилок, магния и соли поражает Гостя сразу тремя способами.

Раскаленное железо и соль насквозь пронзают вещество, из которого состоит призрак, а ослепительный свет вспышки магния причиняет ему невыносимую боль. Но (тут-то и зарыта собака) хотя греческий огонь сгорает очень быстро, почти моментально, он тем не менее успевает поджечь не только Гостя. Вот почему в «Руководстве Фиттис» категорически не рекомендуется использовать греческий огонь в помещениях, за исключением тех случаев, когда ситуация полностью находится под контролем агента.

В нашей ситуации мы имели набитую бумагами комнату и очень злобный Спектр. Как вы считаете, можно назвать такую ситуацию «полностью контролируемой»?

Конечно, нет, и здесь я с вами полностью согласна.

Что-то где-то завывало от боли и гнева. Гулявший по комнате ветер, поначалу слегка притихший, взвыл с удвоенной силой. Подоженные греческим огнем листы бумаги взмыли в воздух и стремительно полетели прямо мне в лицо. Я успела отмахнуться, они отлетели в сторону и начали корчиться, словно сминаемые невидимой рукой. Затем горящие листы разлетелись по всей комнате, опускаясь на книги и полки, на стол, занавески, высохшие от времени папки и письма, на пыльные подушки кресла...

Словно звездочки на вечернем небе, один за другим замерцали язычки пламени. Их было много, и они загорались повсюду.

Локвуд наконец поднялся на ноги. Его волосы и пальто дымились. Пальто он с себя сорвал и отшвырнул в сторону. Сверкнуло серебро – это он выхватил свою рапиру. Взгляд Локвуда был устремлен в остававшийся в тени угол комнаты. Там, среди бешено крутящихся в воздухе бумажных листов, начинала заново формироваться призрачная фигура.

– Люси! – Локвуд старался перекричать вой ветра. – План Е! Действуем по плану Е!

План Е? Что еще, к чертям собачьим, за план Е? У Локвуда всегда огромное количество планов. Разве станешь вспоминать, какой из них Д, а какой Е, когда вокруг тебя стопка за стопкой загораются журналы, пламя становится все выше и путь на лестничную площадку уже отрезан огнем и дымом?!

– Локвуд! – крикнула я. – Дверь...

– Нет времени! Я ее отвлеку! А ты займись Источником!

Ну да, конечно. Это и есть план Е. Один из нас удерживает Гостя вдали от Источника, второй нейтрализует этот Источник. Локвуд уже уверенно пробирался танцующей походкой вперед, к тому месту, где в дыму сформировалась призрачная фигура. Над его головой летали горящие обрывки бумаги, но он, не обращая на них никакого внимания, шел, низко опустив к земле рапиру. Он казался незащищенным. Призрачная девушка неожиданно набросилась на Локвуда – он отклонился назад. Сверкнула рапира, отбивая вытянутую вперед руку призрака. Длинные светлые волосы Гостя слились с клубами дыма. Локвуд пригнулся, сделал выпад, рассекая эти туманные завитки. Его рапира бешено засверкала, образуя защитный барьер, под прикрытием которого он спокойно отступал, уводя Гостью вслед за собой все дальше от пролома в стене.

Иными словами, Локвуд давал мне возможность выполнить мою часть работы. Я бросилась вперед, к темному отверстию в старом дымоходе. Ветер завывал вокруг меня, плакал человеческим голосом. На лицо сыпались искры, дым не

давал дышать.

Со всех сторон росло, крепло пламя. Ветер стал еще неистовей – он вставал передо мной плотной преградой, пытался оттолкнуть меня назад, но я упорно, шаг за шагом, приближалась к своей цели.

Висевшие рядом с проломом в стене книжные полки рухнули вниз, объятые огнем. Язычки пламени словно струйки ртути растекались по всему полу. Поверхность не отбитой штукатурки окрасилась в оранжевый цвет, но отверстие в стене оставалось угольно-черным, и стоящий внутри дымохода труп девушки был едва виден. И все же сквозь кокон паутины я разглядела ее лишенную губ улыбку. Точнее, оскал.

Нет ничего хорошего в том, чтобы видеть прямо перед собой такие вот улыбочки. Они отвлекают от работы. Я тряхнула сетью, которую держала в руке.

Ближе, ближе... шаг за шагом... Теперь я подобралась совсем близко, но старалась не смотреть на жуткий череп и опустила взгляд ниже. Увидела костлявую шею, оставшиеся от платья лохмотья... Неожиданно на шее девушки что-то блеснуло.

Тонкая золотая цепочка.

Я просунулась в отверстие дымохода, держа наготове сеть и слыша за спиной рев ветра и пламени. На секунду взглянула на тонкую цепочку с подвешенным к ней кулоном – он покачивался в жуткой полости между остатками платья и верхними ребрами. Когда-то девушка надела его на себя своими собственными, еще живыми руками, чтобы выглядеть привлекательнее.

И вот украшение по-прежнему висит на своем месте и сверкает, хотя прошло столько лет и плоть, на которую его надели, давно истлела.

Мне стало очень жаль эту девушку.

– Кто сделал это с тобой? – негромко спросила я.

– Люси! – прорвался ко мне сквозь завывания ветра голос Локвуда. Я повернула голову и увидела несущуюся ко мне сквозь бушующий огонь Гостью. Ее лицо ничего не выражало, глаза не моргая смотрели на меня. Она раскинула руки в стороны, словно собиралась обнять меня.

Но мне вовсе не улыбалось попасть в объятия призрака. Я вслепую погрузила руки прямо в кокон паутины, чувствуя, как забегали по пальцам пауки. Я попыталась распустить сеть, но она зацепилась за какую-то оставшуюся внутри отверстия щепку. Гостья была уже совсем рядом. Я рванула сеть – щепка треснула и отвалилась. Всхлипнув, я опустила сеть на мягкие, высохшие, покрытые пылью и паутиной волосы, и она начала разворачиваться, прикрывая останки девушки, оказавшиеся теперь словно внутри клетки.

В тот же миг, повиснув в воздухе, застыла и Гостья. Послышался вздох, стон, волосы Гостьи перестали развеиваться и упали вперед, скрыв ее лицо. Призрачный свет, который она излучала, становился все слабее, слабее, слабее...

И погас. Все было кончено. Гостья перестала существовать, исчезла – словно ее никогда и не было.

В тот же миг исчезла и магическая сила, наполнявшая этот дом. С чем сравнить это ощущение? Представьте, что с вас неожиданно сняли придавивший вас мешок. В ушах у меня щелкнуло. Ветер прекратился. Комната была полна горящих обрывков бумаги, медленно разлетающихся по полу.

Все правильно. Так и должно быть, когда тебе удастся нейтрализовать Источник.

Я глубоко вдохнула, прислушалась...

Да, в доме стало по-настоящему тихо. Гостья пропала.

Разумеется, когда я говорю, что в доме стало тихо, я имею в виду тишину на сверхъестественном уровне. А в реальности продолжал гудеть пожиривший комнату огонь. Полыхали половицы, из-за дыма стало не видно потолка. Успели загореться и те кипы бумаг, которые мы выносили из комнаты, когда расчищали подход к стене, так что огнем была уже охвачена и лестничная площадка. Этот

путь к отступлению был для нас отрезан.

Стоявший в другом конце комнаты Локвуд бешено махал мне рукой, указывая на окно.

Я кивнула. Времени у нас почти не осталось. Дом был обречен сгореть в огне. Но прежде чем побежать к Локвуду, я, почти не думая, повернулась назад к отверстию в дымоходе, залезла рукой под сеть (стараясь не думать о том, к чему еще я притрагиваюсь) и нащупала тонкую золотую цепочку – единственное сохранившееся в первоначальном виде напоминание о жившей когда-то девушке. Я потянула цепочку – она отделилась так легко, словно не была застегнута. Не глядя я сунула цепочку с висевшим на ней кулоном вместе с паутиной и пылью в карман куртки. Затем повернулась и, пробираясь между языками пламени, поспешила к стоявшему возле окна столу.

Локвуд уже успел вскочить на стол, спихнув с него ботинком стопку горящих бумаг, и сейчас пытался открыть окно. Оно не поддавалось, и Локвуд просто выбил его ногой вместе с защелкой. Я вспрыгнула на стол рядом с Локвудом и впервые за много часов мы с наслаждением вдохнули полной грудью свежий, влажный, пропитанный туманом воздух.

Затем мы бок о бок присели на подоконник. Слева и справа от нас со змеиным шипением вспыхнули шторы. В саду под домом мы увидели тени своих скорченных силуэтов, вписанные в прямоугольник мерцающего красного света.

– Ты в порядке? – спросил Локвуд. – А там, в дымоходе, что-то случилось?

– Нет. Ничего не случилось. И я в порядке, – бледно улыбнулась я. – Ну, вот, еще одно дело раскрыто.

– Ага. Интересно, будет ли довольна миссис Хоуп? С одной стороны, ее дом сейчас сгорит дотла, но, по крайней мере, в нем уже не осталось призраков... – Он посмотрел на меня. – Ну...

– Ну... – Я наклонилась вперед, безуспешно пытаюсь рассмотреть, что ждет нас внизу. Но было слишком темно и далеко.

– Все будет хорошо, – сказал Локвуд. – Я почти уверен, что там, под домом, густые кусты.

– Ладно.

– А может, зацементированный внутренний дворик, – ухмыльнулся он и похлопал меня по ладони. – Давай, Люси. Поворачиваемся спиной вперед и прыгаем. Тем более что у нас все равно нет выбора.

Да, насчет выбора Локвуд был прав. Когда я оглянулась назад, огнем был уже охвачен весь пол комнаты. Пламя почти добралось до отверстия в дымоходе. Вскоре то, что находится там внутри, сгорит без остатка. К счастью. Я негромко вздохнула:

– Хорошо, будь по-твоему.

– Мы с тобой работаем вместе полгода. Скажи, я хоть раз подвел тебя? – ухмыльнулся Локвуд.

Я только хотела открыть рот, чтобы перечислить все случаи, когда он меня подводил, как над столом начал проседать потолок. Градом посыпались горящие балки и пласты штукатурки. Что-то сильно толкнуло меня в спину. Локвуд попытался подхватить меня, но сам потерял равновесие.

Мы оба качнулись, хватаясь руками за воздух, какое-то мгновение оставались подвешенными между жаром и холодом, между жизнью и смертью, а затем вместе рухнули вниз, в непроглядную тьму.

Часть 2. До

Некоторые уверяют, что Проблема существовала всегда. Они говорят, что в призраках, как и в их поведении, нет ничего нового. Такие люди ссылаются, например, на римского писателя Плиния, жившего почти две тысячи лет назад. У него есть рассказ о некоем ученом, купившем дом в Афинах. Дом ему продали подозрительно дешево, и вскоре ученый обнаружил, что он заселен призраками. В первую же ночь к нему явился призрак костлявого старика, закованного в цепи. Гость поманил ученого за собой, привел его на двор и там исчез, провалившись сквозь землю. На следующий день ученый вместе со своими слугами начал копать на этом месте яму. Как и следовало ожидать, вскоре они обнаружили закованный в цепи скелет. Кости подобающим образом перезахоронили, после чего призрак исчез. Конец истории.

«Классический призрак Второго типа, – небрежно пожимают плечами специалисты. – И появлялся он с самой простой целью: чтобы его похоронили по всем правилам. То же самое, что мы наблюдаем и сегодня. На самом деле ничего не изменилось».

Простите, но меня на такой мякине не проведешь. Хорошо, соглашусь, что это древний пример нахождения спрятанного Источника, и таких примеров в прошлом можно отыскать сколько угодно. Но давайте обратим внимание на две вещи. Первое: ученый в истории Плиния совершенно не боится того, что призрак может прикоснуться к нему, после чего он сам должен распухнуть, посинеть и умереть в страшных муках. Может быть, тот ученый был глуп или ему просто повезло (дуракам всегда везет)? Или, скорее всего, призраки в те стародавние времена не были такими опасными, как теперь.

Да и встречались тогда призраки гораздо реже, чем сегодня. Это второе. Заселенный призраками дом, как пишет Плиний, продали ученому подозрительно дешево. Вопрос: много ли таких домов было в Афинах? Ответ: нет. Может, тот дом вообще был один такой на весь город. Потому его и продали за бесценок. Сегодня в Лондоне десятки таких домов, и их количество постоянно растет, несмотря на все усилия агентств по борьбе с призраками. Во времена Плиния призраки были редкостью. Теперь их появление приняло вид эпидемии. Так что для меня совершенно очевидно, что у Проблемы, с которой мы имеем дело, нет ничего общего с тем, что было когда-то. Примерно пятьдесят-шестьдесят лет назад началось нечто странное и новое, и пока никто не может понять почему.

Если вы полистаете старые газеты, как это все время делает Джордж, вы сможете найти первые упоминания об участвовавших появлениях призраков в Кенте и Суссексе. Эти сообщения относятся примерно к середине прошлого века. А спустя лет десять или около того начинается вереница связанных с призраками жутких происшествий. Особенно большое внимание привлекли к себе Хайгейтский Ужас и Фантом Мад-Лейн.

В обоих этих случаях неожиданный прорыв сверхъестественного феномена в наш мир сопровождался целым рядом ужасных смертей. Обычные расследования ничего не дали – кроме того, что при этом погибли один или два полицейских. Наконец два юных исследователя, Том Ротвелл и Марисса Фиттис, смогли обнаружить источник появления каждого призрака (в случае с Ужасом это оказался замурованный в кирпичной стене череп, а в случае с Фантомом – закопанное у перекрестка дорог тело разбойника). Эти расследования наделали много шума, и именно тогда в общественном сознании укоренилась мысль о существовании Гостей.

В последующие годы стало известно о многих других появлениях призраков, вначале в Лондоне и на юге страны, а затем эта эпидемия начала медленно распространяться на север. Англию охватила паника. Начались бессмысленные восстания и демонстрации, церкви и мечети ломались от желающих спасти свою душу. Вскоре Фиттис и Ротвелл основали свои агентства по борьбе с призраками, а следом за ними, как грибы после дождя, стали появляться и другие, менее крупные. Наконец раскочегарилось и правительство – был введен комендантский час и налажено производство призраков-ламп для крупных городов.

Разумеется, все эти действия не могли решить Проблему. Постепенно страна привыкала жить в новых условиях. Взрослые горожане повесили головы и затаились. Они обили свои дома железом, надеясь, что это спасет их от Гостей, а всю борьбу с призраками переложили на плечи агентств. Агентства, в свою очередь, бросились на поиски лучших оперативников.

А поскольку сверхъестественные способности в подавляющем большинстве случаев сильнее всего проявляются в совсем юном возрасте, целое поколение детей, таких как я, оказались брошенными на передовую линию борьбы с Гостями.

Мое полное имя – Люси Джоан Карлайл. Я родилась через тридцать с лишним лет после того, как существование Проблемы было признано официально, а сама Проблема успела распространиться по всей стране, так что теперь набатные колокола и призрак-лампы имелись во всех, даже самых маленьких, городках и деревнях. Мой отец работал носильщиком на железнодорожной станции в нашем маленьком, окруженном зелеными холмами городке на севере Англии. Это был невысокий, сгорбленный, жилистый и краснолицый человек. И еще волосатый, как обезьяна. От него всегда пахло крепким пивом, а рука у отца была такой тяжелой, что мы старались лишней раз не попадаться ему на глаза, чтобы не получить подзатыльник. Да и не очень-то мы были ему нужны. Я даже не помню, назвал ли он меня хоть раз в жизни по имени. Когда мне было пять лет, отец попал под поезд. Помню, моим единственным чувством тогда был страх оттого, что я не знала, что нам теперь делать. Впрочем, опасалась я напрасно, все сделали без нас. В соответствии с правительственным Законом о насильственной и безвременной кончине, на место происшествия вскоре прибыли священники. Они положили на глаза трупа серебряные монеты и надели на шею отца железную цепочку, которая должна была разорвать связь покойника с его призраком. Надо заметить, эти меры оказались вполне эффективными – отец ни разу не появился. Но, как сказала моя мать, даже если бы он явился, для нас это не создало бы никаких проблем – призрак напугал бы только посетителей местной пивной.

К тому времени, когда я пошла в школу, у реки, на окраине нашего городка, появилось новое небольшое бетонное здание. Днем я играла на заливных лугах или в парке, но всегда держала ухо востро, чтобы не пропустить звон колокола и успеть вернуться домой раньше, чем зайдет солнце. Придя домой, я помогала защитить его на ночь. Мне было поручено ставить на подоконник свечи с лавандой и проверять развешанные по всему дому амулеты-обереги. Мои старшие сестры зажигали свечи, лампы и доливали свежей воды в выкопанную перед крыльцом канаву. Когда совсем под ночь домой возвращалась мама, у нас все уже было готово.

Моя мать (женщина крупная, розовая и измотанная) работала прачкой в двух маленьких отелях нашего городка. Если она и испытывала когда-нибудь к нам материнские чувства, то от усталости они у нее совершенно притупились. Не под силу ей было заботиться о своем выводке дочерей, среди которых я была младшей, седьмой по счету. Добравшись до дома, мать валилась в кресло и сидела, молча глядя в экран телевизора. Поскольку ей было не до меня, моим воспитанием занимались старшие сестры. Думаю, во мне ее интересовало только одно: когда же я смогу сама зарабатывать себе на жизнь.

Дело в том, что всем было известно: в нашей семье есть Дар, который передается по наследству. В юности моя мать видела призраков, Дар Видеть передался двум моим сестрам, которые устроились на работу в ночную стражу в Ньюкастле, в тридцати милях от нашего городка. Правда, ни одна из них не обладала данными, которые могли бы заинтересовать агентство. С самого начала было очевидно, что я отличаюсь от них. У меня была необычно высокая восприимчивость ко всему, что связано с Проблемой.

Однажды, когда мне было лет шесть, я играла на заливном лугу с моей любимой сестрой Мэри – с ней мы были ближе всего по возрасту. Мы потеряли в камышах мяч и долго его искали. Когда же мы наконец его нашли – он глубоко завяз среди корней камыша в липкой грязи, – солнце уже почти опустилось за горизонт. Мы с Мэри еще шли по тропинке вдоль берега реки, а в городе уже ударил колокол.

Мы с сестрой переглянулись. Хотя мы были совсем детьми, но уже хорошо знали, что может случиться, если ты останешься на улице после наступления темноты. Мэри заплакала.

Я же была девочкой хотя и маленькой, но не из пугливых.

– Ничего страшного, – сказала я. – Еще рано, и они пока слабы как грудные младенцы. Если они вообще здесь есть, в чем я сомневаюсь.

– Я не из-за них, – ответила сестра, – я из-за мамы. Она прибьет меня.

– И меня тоже.

– Я старше тебя, мне больше достанется. А тебе ничего не будет.

Вот в это, честно говоря, мне верилось с трудом. Наша мать по девять часов в день стирала простыни – в основном вручную, – так что била она тяжело, как свинья копытом. Один такой шлепок по заду – и потом неделю не сможешь сидеть. Погрузившись в мрачное молчание, мы с Мэри припустили бегом.

Вокруг тянулись камыши, тускло блестела в предзакатном свете жирная грязь. Впереди на склоне холма зажглись огни нашего городка – предупреждая нас об

опасности, они манили к себе, были для нас путеводной звездой.

Мы с Мэри слегка повеселели – уже виднелся поросший травой пологий склон, выведивший на дорогу.

– Это мама зовет? – неожиданно спросила я.

– Что?

– Это она окликает нас?

Мэри прислушалась:

– Я ничего не слышу. Да и как можно услышать мамин голос, если до нашего дома еще так далеко.

Далеко, это верно. Кроме того, мне не казалось, что этот слабенький тонкий голос долетает сюда из городка, он был где-то совсем близко.

Я оглянулась в сторону реки, невидимой отсюда, текущей по темной, спрятанной между холмами долине. Трудно было утверждать наверняка, но мне показалось, что я увидела стоящую среди камышей фигуру – темную, перекошенную, напоминающую пугало. Я присмотрелась и заметила, что фигура не стоит на месте, движется – не так чтобы быстро, но и не слишком медленно, в самый раз для того, чтобы пересечься с нами дальше на тропинке.

Чем или кем ни была бы эта фигура, встречаться с ней мне совершенно не хотелось. Я легонько подтолкнула сестру локтем:

– Давай прибавим немного. Шевелись! А то я совсем замерзла.

И мы побежали. Через каждые несколько метров я подпрыгивала и видела, что загадочная фигура, продираясь сквозь густые камыши, изо всех сил старается нас догнать. Короче говоря, мы с Мэри этот забег выиграли и благополучно поднялись на дорогу.

А когда я вновь обернулась, то увидела только пустые заливные луга – никто больше не гнался за нами, никто не окликал нас из камышей.

Позже, когда мою попу почти перестало жечь и щипать, я рассказала матери о той фигуре. Выслушав меня, она поведала мне о том, что одна местная женщина покончила с собой из-за несчастной любви. Это случилось, когда мама была еще девочкой. Ту женщину звали Пенни Нолан. Она зашла в камыши, бросилась в воду и утонула. Как вы уже поняли, после этого Пенни Нолан превратилась в призрак Второго типа и время от времени показывалась людям, поздно вечером возвращавшимся вдоль камышей из долины. Спустя несколько лет инспектор Якобс извел массу железа, отыскивая на том месте Источник, но так и не обнаружил его, поэтому Пенни Нолан, по всей видимости, продолжает бродить в камышах до сих пор. Все кончилось тем, что в город проложили новую тропинку, а сам луг просто забросили. Теперь на нем растут полевые цветы. Красиво.

Благодаря подобным случаям, о моем Даре очень скоро стало известно по всей округе. Мать с нетерпением ждала, когда мне исполнится восемь, а когда это случилось, отвела меня на встречу с агентом, контора которого располагалась рядом с главной городской площадью. Момент для такой встречи был выбран очень удачно – всего три дня назад на задании погиб один из оперативников агента. Все сложилось как нельзя лучше. Мать сразу получила мой недельный заработок, я – свою первую работу, а инспектор Якобс – новую ученицу.

Инспектор Якобс был высоким бледным как смерть джентльменом и руководил местными расследованиями больше двадцати лет. Хотя в нашем городке Якобса уважали, но в силу его профессии старались держаться от него подальше.

У инспектора Якобса, казавшегося жителям городка загадочной фигурой, была мертвенно-серая кожа, нос крючком, черная бородка, он всегда носил старомодный черный костюм, в котором был похож на гробовщика. Якобс не выпускал изо рта сигарету, его карманы всегда были набиты железными опилками, рубашки он менял не часто. Его рапира была покрыта желтыми пятнами от эктоплазмы.

Каждый вечер с наступлением темноты он выводил пятерых-шестерых детей-оперативников на дежурство. Если возникала необходимость, являлся с ними по тревожному вызову, если нет – обходил злчные места городка. Старшие оперативники, сдавшие тесты на Третий разряд, носили рапиры и рабочие пояса. Младшие, вроде меня, выходили на дежурство только с ранцами. Тогда мне

очень нравилось быть частью такой избранной компании, мы гордо расхаживали, задрав нос, в своих форменных горчичного цвета куртках во главе с самым великим мистером Якобсом.

За первые месяцы учебы я научилась в правильных пропорциях смешивать соль и магний, чертить защитные круги из железных опилок. Я стала специалистом по укладыванию рюкзаков, проверке фонариков, цепей и заправке масляных ламп. Я полировала рапиры. Я готовила чай и кофе. А когда из Лондона приходил фургон с новыми припасами от корпорации «Санрайз», я разбирала на складе ящики с магниевыми бомбами и банками греческого огня и расставляла все это по полкам.

Вскоре Якобс обнаружил, что хотя я достаточно хорошо вижу Гостей, но слышу их намного лучше.

Мне еще не было девяти, когда я выследила по шепоту Источник, пройдя за голосом от пивной «Красный Сарай» до сломанного столба, под которым закопали какого-то преступника. Во время ужасного происшествия в отеле «Лебедь» я расслышала тихие крадущиеся шаги. Они приближались сзади, и я спасла всю нашу группу от смертельного прикосновения призрака. Мой Дар обеспечил мне быстрое продвижение по службе. Я в ускоренном темпе сдала зачеты на Первый и Второй разряд, а в свой одиннадцатый день рождения стала агентом уже Третьего разряда. В тот знаменательный день я пришла домой со своей собственной рапирой, ламинированным свидетельством агента Третьего разряда и подаренным мне экземпляром «Руководства Фиттис для охотников за привидениями». Для моей матери самым главным было то, что с этого дня мне значительно прибавили жалованье. Теперь я стала в семье главным кормильцем, получая за четыре ночные смены больше, чем мать за шесть долгих рабочих дней. Мое повышение мать отметила покупкой новой посудомоечной машины и телевизора с большим экраном.

Сама же я, честно говоря, большую часть времени проводила вне дома. Все мои сестры к тому времени разъехались кто куда, кроме Мэри, которая работала в местном супермаркете. Мать? С ней нам вообще нечего было сказать друг другу. Так что почти все свое время (по большей части это были ночные часы) я проводила в компании других юных агентов Якобса. Мы очень сдружились и охотно работали вместе. Нам было весело, и мы не раз спасали друг другу жизнь. Если кому-то интересно, их звали Пол, Норри, Джулия, Стеф и Альфи-Джой. Теперь все они мертвы.

Я выросла в высокую девушку с довольно резкими чертами лица (чуть полноватого, на мой вкус), большими глазами, густыми бровями, длинноватым носом и пухлыми губами.

Да, хорошенькой я не была, но, как сказала однажды моя мать, красота – не моя профессия. Я была гибкой, подвижной, неплохо владела рапирой. Я была очень трудолюбивой и любила свою работу. Беспрекословно и точно выполняла все приказы и легко вписывалась в любую команду, потому что никогда не тянула одеяло на себя. Я надеялась, что вскоре получу сертификат Четвертого разряда, что позволит мне возглавить собственное подразделение, где я стану наконец самостоятельно принимать решения (честолюбия у меня тоже хватало). Жизнь моя была опасной, но наполненной до краев, и все, казалось, было совсем неплохо, если бы не одно «но».

Говорили, что мальчиком инспектор Якобс обучался в знаменитом лондонском агентстве «Фиттис». Так что в свое время он, очевидно, был настоящим мастером. Был, но перестал. Разумеется, как у всякого взрослого, его чувства притупились, и, утратив способность самостоятельно обнаруживать с былой легкостью Гостей, он начал все больше полагаться на нас, своих помощников. Мы стали его глазами и ушами. Ничего страшного в этом не было, все взрослые инспекторы поступают точно так же. Работа их заключается в том, чтобы на основании своего богатого опыта быстро принимать нужные решения, координировать действия по обезвреживанию обнаруженного Гостя и, в случае опасности, поддерживать и прикрывать своих юных агентов. Когда я только начинала работать в агентстве, со всем этим Якобс справлялся превосходно. Но наступил какой-то момент, когда бесконечные часы ожидания и наблюдения в темноте начали сказываться и Якобс потерял уверенность в себе. Теперь он все чаще старался держаться в стороне от зараженного призраками места, у него тряслись руки, он непрерывно курил и издали, с безопасного расстояния, выкрикивал свои приказы. Сам он теперь к Гостям не приближался на пушечный выстрел, более того – начал пугаться теней. Одним словом, у него сдали нервы. Однажды ночью, когда я подошла к нему с донесением, он принял меня за Гостью, выхватил рапиру и едва не заколол.

Меня спасло только то, что у Якобса тряслись руки.

Мы, агенты, прекрасно понимали, что происходит с Якобсом, и никому из нас это не нравилось. Но он был нашим нанимателем, платил нам деньги и оставался

заметным в нашем городке человеком, поэтому нам оставалось лишь смириться и впредь полагаться только на свои силы. Довольно долго ничего страшного не происходило, но потом настала та ночь на мельнице Уизбурн Милл.

Эта водяная мельница находилась примерно на полпути вверх по долине Уиз и пользовалась дурной славой. Там постоянно случались происшествия – два даже со смертельным исходом. Потом мельницу закрыли, и в последние годы она стояла заброшенной. Но сейчас ею заинтересовалась местная лесозаготовительная фирма, решившая приспособить помещение мельницы под свой офис, и они прежде всего хотели удостовериться в том, что мельница не заражена призраками. Представители фирмы пришли к Якобсу и попросили его проверить мельницу.

Мы вышли на задание во второй половине дня, прошли по долине и добрались до мельницы вскоре после заката. Стоял теплый летний вечер, в деревьях заливались птицы. На небе у нас над головами высыпали первые звезды. Мельница темнела посреди долины, втиснутая между валунами и соснами. Под засыпанной гравием дорожкой, что вела к мельнице, журчал поток.

На двери мельницы висел замок. Стеклопанели двери были разбиты и заменены небрежно набитыми сверху досками. Мы проверили наше снаряжение. Инспектор Якобс, по укоровившейся у него привычке, примостился в сторонке на каком-то пеньке.

Он зажег сигарету. Мы должны были включить свой Дар и доложить ему обстановку. Что-то обнаружить удалось только мне одной.

– Я слышу плач, – сказала я. – Очень тихий, но где-то поблизости.

– Чей плач? – спросил Якобс, наблюдая за кружащей в воздухе стайкой летучих мышей.

– Похож на детский, – ответила я.

Якобс неопределенно качнул головой, не глядя в мою сторону.

– Сделайте зачистку в передней, – сказал он, – и проверяйте дальше.

Замок за долгие годы заржавел, сама дверь разбухла от влаги и покоробилась. Мы не без труда открыли ее и осветили фонариками большую пустынную переднюю. Потолок здесь был низкий, пол, покрытый потрескавшимися плитками линолеума, изрядно замусорен. В передней стояли столы, легкие стулья, на стенах виднелись старые зарубки. Ощущался густой запах гниющего дерева. Где-то под полом журчала вода.

Осмотревшись с порога, мы вошли в переднюю, сопровождаемые струйкой сигаретного дыма. Сам инспектор Якобс внутрь вместе с нами не зашел. Он направился к своему пеньку и, усевшись на него, уставился на свои колени.

Стараясь держаться ближе друг к другу, мы вновь включили свой Дар. Я опять услышала рыдания, теперь они раздавались отчетливее и ближе. Мы выключили фонарики и принялись всматриваться и вслушиваться в темноте. Вскоре мы увидели небольшую светящуюся фигуру, сидевшую, скорчившись, на дальнем краю прохода, который вел в глубь мельницы. Когда мы вновь включили фонарики, проход показался нам пустым.

Я вернулась к Якобсу, чтобы рассказать ему о том, что мы обнаружили.

– Пол и Джулия говорят, что призрак похож на ребенка. Точнее пока сказать не можем. Призрак очень бледный. И не двигается.

Инспектор Якобс притоптал ногой сигаретный пепел на траве.

– Призрак никак не отзывался тебе? Не пытался приблизиться? – спросил он.

– Нет, сэр. Остальные агенты полагают, что это слабый призрак Первого типа, возможно эхо ребенка, работавшего на мельнице много лет назад.

– Хорошо. Припечатайте его железом. Затем сможете поискать Источник.

– Да, сэр. Только, сэр...

– Что такое, Люси?

– Мне кажется, здесь что-то не так. И мне это не нравится.

В темноте ярко вспыхнул кончик сигареты. Как всегда в последнее время, рука Якобса дрожала.

– Не нравится? – раздраженно переспросил он. – Плачет ребенок. Разумеется, это не может нравиться. Что-нибудь еще услышала?

– Нет, сэр.

– Может быть, другой голос? Более сильного второго Гостя?

– Нет...

Я сказала правду. Кроме детского плача, я не слышала ничего опасного. Все следы призрака были размытыми, хрупкими, бледными, все они вроде бы говорили о слабости Гостя. Звук, фигура – все это едва можно было увидеть или услышать. Типичная слабая тень. Такую тень можно обезвредить в два счета. В то же время я не доверяла этому призраку. Мне не нравилось, как он демонстрирует свою слабость.

– Что говорят остальные? – спросил Якобс.

– Они считают, что справиться с Гостем будет достаточно легко, сэр. Им не терпится приняться за дело. Но мне кажется, что это... неправильно.

Якобс заерзал на своем пеньке. В деревьях прошумел порыв ветра.

– Я могу отдать им приказ возвращаться, Люси, но таких неопределенных ощущений, как у тебя, мне для этого недостаточно. Мне нужны более серьезные основания.

– Но сэр.... Я надеюсь, все пройдет нормально. – Я вздохнула, ожидая, и, не дождавшись, спросила: – Может, вы пойдете со мной? Тогда сможете высказать свое мнение.

Повисло тяжелое молчание.

– Выполняй свою работу, – сказал инспектор.

Мои товарищи сгорали от нетерпения. Когда я вернулась на мельницу, они уже продвигались по проходу с рапирами в руках, с солевыми бомбами наготове. Вскоре бледная светящаяся фигура почувствовала приближение железа. Призрак вздрогнул, замерцал, словно экран плохо настроенного телевизора, и начал утягиваться за угол прохода.

– Он задвигался! – сказал кто-то из моих товарищей.

– Уплывает!

– Следите внимательнее, мы не должны упустить его!

Если не засечь точку, в которой исчезает призрак, будет намного труднее найти Источник. Мои товарищи дружно рванули вперед. Я вытащила свою рапиру и поспешила за ними. Тень стала такой бледной, что ее едва можно было рассмотреть. Вот-вот совсем погаснет. Мои дурные предчувствия вдруг показались мне смехотворными и глупыми.

Маленький, как ребенок, призрак юркнул за угол и скрылся из виду. Все бросились следом. Я тоже прибавила шагу, но не успела догнать их, как из-за угла, прямо передо мной, полыхнула мощная вспышка эктоплазматического света.

Раздался пронзительный скрип железа, сверкнула одиночная вспышка магния. В ее свете я увидела поднимающуюся чудовищную тень. Свет погас.

Раздались крики.

Резко, едва не вывихнув шею, я обернулась в сторону открытой двери. За ней в темноте мелькнул красный огонек зажженной сигареты.

– Сэр! Мистер Якобс!

Молчание.

– Сэр! Нам нужна ваша помощь! Сэр!!!

В темноте ярко вспыхнул огонек сигареты. Никакого ответа. Якобс не сдвинулся со своего места. Затем в проходе заревел ветер и его порыв едва не сбил меня с ног. Стены мельницы затряслись. Распахнутая дверь с грохотом закрылась.

Я выругалась, стоя в темноте. Затем вытащила из рабочего пояса банку с греческим огнем, подняла вверх рапиру и бросилась по проходу за угол, откуда продолжали доноситься крики.

На предварительном следствии у коронера инспектора Якобса честили все родственники погибших агентов, требовали передать дело в суд присяжных, но все закончилось ничем. Якобс настаивал, что действовал в полном соответствии с полученной от меня информацией. Я должна была донести ему о том, что мы столкнулись с необычайно сильным Гостем.

Якобс уверял, что не слышал моих криков о помощи, что вообще ничего не видел и не слышал до того момента, когда я разбила окно верхнего этажа, выбралась через него на крышу и скатилась по ней на землю.

Давая показания, я попыталась описать свои дурные предчувствия, которыми поделилась с Якобсом, но меня заставили признать, что при этом я не сообщила ничего конкретного. В своем заключительном слове коронер отметил, что в моем донесении не было достаточно точно сказано о силе Гостя. В противном случае жизни моих товарищей, возможно, удалось бы сберечь. Короче говоря, произошедшее объявили несчастным случаем – обычное дело в подобных ситуациях. Родственникам погибших выплатили компенсацию от Фонда Фиттис и решили установить на городской площади памятные таблички с именами их детей. Мельницу снесли, а место, на котором она стояла, засыпали солью.

Вскоре Якобс вернулся к своей работе. Как само собой разумеющееся, предполагалось, что после короткого отдыха я присоединюсь к нему, но я приняла другое решение. Три дня я пролежала в постели, восстанавливая силы. Рано утром на четвертый день, пока мать и сестра еще спали, я уложила в рюкзак свои пожитки, прицепила на пояс рапиру и, даже ни разу не оглянувшись, покинула свой дом. Через час я уже сидела в поезде, который вез меня в Лондон.

«Локвуд и Компания»

Хорошо известному агентству парапсихологических исследований «Локвуд и Компания» требуется новый младший оперативный сотрудник. Его обязанности: анализ сообщений о появлении призраков на месте и их ликвидация. Претендующий на это место должен быть ВОСПРИИМЧИВЫМ к сверхъестественным феноменам, хорошо обученным, предпочтительно женского пола и не старше пятнадцати лет. Просим не беспокоиться людей, склонных к пустой трате времени, мошенников и лиц с криминальным прошлым. С предложениями обращаться в письменном виде, приложив свою фотографию, по адресу: Лондон, Портленд-роу, 35».

Я стояла на улице, глядя вслед отъезжающему такси. Звук мотора пропал вдали, и сразу стало очень тихо. Бледный солнечный свет отражался на асфальте и выстроившихся в ряд, бампер к бамперу, машинах по обеим сторонам улицы. Неподалеку в пыльном солнечном луче возился маленький мальчик, двигая взад-вперед по бетону пластмассовые фигурки агентов и призраков. У агентов были тоненькие рапиры, призраки напоминали развевающиеся на ветру простыни. Кроме этого мальчишки вокруг не было ни души.

Это был жилой квартал, как и все остальные в этой части Лондона. Дома здесь стояли старые, еще викторианской эпохи, со ступеньками, которые вели к каждому крыльцу прямо с улицы, с колоннами возле крыльца. С колонн свисали набитые лавандой корзины. Этот квартал носил следы былого, теперь изрядно потрепанного, аристократизма. И здешние дома, и их обитатели когда-то явно знавали лучшие дни. На углу находилась маленькая зеленая лавка – из тех, где можно купить буквально все, от апельсинов до обувного крема, молока и магниевой вспышки. Возле лавки на покосившемся столбе висела призрак-лампа, тоже выдавшая виды. Ее большие ставни были закрыты, импульсные лампы потемнели, линз вообще не наблюдалось. Столб и все железные части призрак-ламп покрылись ржавчиной.

Ну что ж, начнем все по порядку. Я взглянула на свое отражение в зеркальце бокового вида ближайшего ко мне автомобиля, сняла бейсболку, провела пальцами по волосам – достаточно ли хорошо я выгляжу для кандидатки в столичные оперативники? Произвожу впечатление человека, имеющего отличный послужной список и высокую квалификацию? Или скорее похожа на провинциальную девчонку, получившую за последние семь дней отказ в шести агентствах? Трудно сказать.

Я пошла по улице.

Дом 35 по Портленд-роу оказался четырехэтажным белым особняком с выгоревшими зелеными ставнями и розовыми цветочками в оконных ящиках. Внешне особняк выглядел еще более обветшавшим, чем дома по соседству. Буквально каждая поверхность здесь просила, чтобы ее заново покрасили или хотя бы хорошенько помыли. У ограды висела небольшая деревянная табличка с надписью:

«Э. Дж. Локвуд и Компания, исследователи. После наступления темноты позвоните в колокольчик и ожидайте за железной чертой».

Я на секунду остановилась, с грустью вспоминая красивый таунхаус агентства «Тенди и сыновья», просторные офисы в «Аткинс и Армстронг» и прежде всего сверкающее стеклами огромное строение агентства «Ротвелл» на Риджент-стрит... Но собеседования ни в одном из них я не прошла. И выбора у меня уже не было. По Сеньке и шапка.

Толкнув хилую железную калитку, я ступила на узкую, мощенную треснувшими каменными плитками дорожку. Справа от меня виднелись крутые ступеньки, спускавшиеся во внутренний дворик у цокольного этажа, это было тенистое местечко, увитое разросшимся плющом, заставленное неухоженными растениями и торчащими из кадок деревцами. По обеим сторонам дорожки, по которой я шла, в землю были вкопаны железные полосы, рядом стоял столб с висевшим на нем большим колоколом с деревянной колотушкой. Впереди виднелась покрашенная в черный цвет дверь.

Проигнорировав колокол, я переступила железную черту перед порогом и громко постучала в дверь.

Очень скоро из нее выглянул толстенький юный коротышка в больших круглых очках.

– А, еще одна, – сказал он. – А я думал, что на сегодня мы уже закончили. Или вы новая рассыльная от Арифа?

– Кто такой Ариф? – спросила я.

– Владелец магазинчика на углу. Обычно он в это время присылает к нам кого-нибудь с пончиками. Но у вас, похоже, нет с собой пончиков. Жаль, – разочарованно ответил очкарик.

– Нет. Но у меня есть рапира.

– Значит, вы еще одна кандидатка, – вздохнул толстячок. – Ваше имя?

– Люси Карлайл. А вы мистер Локвуд?

– Я? Нет.

– Так я могу войти?

– Да. Последняя перед вами девушка только что зашла. Судя по ее виду, долго она у нас не задержится.

В это время из глубины дома раздался истошный крик. Он эхом пролетел над увитыми плющом стенами, вспугнув сидевших на деревьях птиц. Я ошеломленно отпрянула назад, автоматически выхватив висевшую у меня на поясе рапиру. Крик сменился какими-то булькающими звуками, а затем окончательно стих. Я удивленно следила за стоящим в двери очкариком. Он даже не шелохнулся.

– Да, вот так, – сказал он. – Ну что ж, вы следующая. Проходите.

Ни тот крик, ни этот неприветливый юнец не добавили мне уверенности, поэтому я наполовину уже готова была извиниться и уйти. Но после двух проведенных в Лондоне недель у меня почти не оставалось вариантов. Провалюсь здесь, у Локвуда, и придется наниматься в ночную стражу вместе с другими безнадежными мальчиками и девочками. Между прочим, в том, как развязно вел себя со мной этот очкарик-толстячок, четко читалось, что он как раз очень надеется на то, что я уйду. Ну уж нет, не дожدهшься. И я быстро прошла вслед за неприветливым парнем в прохладный просторный холл.

Пол здесь был выложен паркетными плитками, стены увешаны книжными полками из красного дерева. На полках вместо книг вперемешку лежали туземные ритуальные маски, горшки, иконы, ярко раскрашенные раковины и сушеные тыквы. Рядом с входной дверью стоял узкий столик для ключей, а на нем – лампа с подставкой в виде хрустального черепа. За столиком я увидела большую потрескавшуюся кадку для растений, из которой торчали зонтики, трости и рапиры. Дальше была вешалка, возле которой я притормозила.

– Подождите минутку, – сказал очкарик. Он по-прежнему оставался возле открытой двери.

Очкарик был чуть старше меня, примерно одного со мной роста, но, конечно, гораздо массивнее. Черты его лица казались какими-то размытыми, единственной запоминающейся деталью можно было, пожалуй, считать только мощную квадратную нижнюю челюсть. За стеклами очков я рассмотрела ярко-синие глаза. Волосы у парня были светлыми, почти песочного цвета, и очень толстыми, они напомнили мне лошадиный хвост. На парне были белые кроссовки, джинсы и небрежно заправленная в них, выпирающая на животе футболка.

– Теперь уже с минуты на минуту, – сообщил он.

Шум голосов внутри дома становился все громче. Затем с грохотом распахнулась боковая дверь, и из нее вылетела хорошо одетая девушка с пылающими глазами, бледным как мел лицом и судорожно зажатым в руке плащом. Она пролетела мимо, окинув меня яростным и одновременно презрительным взглядом, обогнула толстячка, пинком открыла входную дверь и мгновенно исчезла.

– Хм... Совершенно очевидно, что она дошла только до второй части собеседования, – заметил толстячок. Он закрыл за девушкой дверь и поправил очки на своем пороссячем носике. – Ну что ж, если хотите, можете следовать за мной.

Он провел меня в ярко освещенную солнцем, уютную гостиную с белыми стенами и украшенную, как и холл, многочисленными артефактами и тотемами. Рядом с низеньким кофейным столиком стояли два легких кресла и диван, а за столиком на одном из кресел сидел высокий тощий парень в темном костюме.

– Я выиграл, Джордж, – сказал он. – Я знал, что будет еще одна.

Подходя, чтобы поздороваться, я, как всегда, внимательно прислушивалась к своим ощущениям, не только внешним, но и внутренним. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать.

Наиболее примечательным был округлый, довольно объемистый предмет, лежавший на столе и накрытый бело-зеленым клетчатым носовым платком. Интересно, увидев именно этот предмет, так поспешно ретировалась та девушка? Я решила про себя, что именно так и было. Еще я уловила тонкие, едва слышные шумы. При желании я смогла бы сказать об этих шумах больше, если бы сконцентрировала на них свое внимание. Но это означало бы, что я застыну перед кофейным столиком как изваяние, закрою глаза и раскрою от напряжения рот – не самая эффектная поза для того, чтобы начинать собеседование, правда?

Поэтому я просто подошла ближе и пожала руку сидевшему за столом парню.

– Привет, – сказал он. – Я Энтони Локвуд.

У него были очень яркие, блестящие темные глаза и симпатичная усмешка.

– Очень рад познакомиться. Чаю? Или Джордж вам уже его предлагал?

Толстячок пренебрежительно махнул рукой.

– Я подумал, что с чаем можно подождать, пока она не пройдет хотя бы первый тест, – сказал он. – Кто знает, не сбежит ли она после этого. Я и так

израсходовал за сегодняшнее утро слишком много чайных пакетиков.

– Ну зачем же так сразу сомневаться в человеке, – сказал Энтони Локвуд. – Давай, Джордж, иди поставь чайник.

Не похоже, что слова Локвуда убедили толстячка.

– Ну ладно, – сказал он. – Чайник я, конечно, поставлю, но готов поспорить, что она у нас не задержится.

Толстячок медленно развернулся на каблуках и чинно выплыл из гостиной.

Энтони Локвуд указал рукой на свободное кресло.

– Вы должны простить Джорджа, – сказал он. – Мы проводим собеседование с восьми утра, и он сильно проголодался. И к тому же был абсолютно уверен, что та девушка, которая была перед вами, – на сегодня последняя.

– Мне очень жаль, – ответила я, – но, боюсь, пончиков у меня для него нет.

– Почему вы сказали про пончики? – быстро стрельнул на меня глазами Локвуд.

– Джордж сказал, что вам ежедневно приносят пончики.

– М-м, а я уж на секунду подумал, что вы медиум.

– Я медиум.

– Я имел в виду не совсем это. Ладно, неважно.

Он удобнее уселся в кресле и разглядел какие-то лежащие перед ним на столе бумаги. Лицо у Локвуда было очень худое, с длинным носом и торчащей надолбом копной темных непослушных волос. Я с удивлением отметила, что он был едва ли старше меня. Просто держался настолько уверенно, что я не сразу смогла определить его возраст. Только теперь я впервые отметила, что в собеседовании не принимал участия никто из взрослых инспекторов.

– Из вашего письма я понял, что вы из Северной Англии, – сказал Локвуд. – Из... Шевиот Хиллс. Это не у вас там несколько лет назад произошел один громкий случай?

– Ужас шахты Мартон, – кивнула я. – Да. Тогда мне было пять лет.

– И для того, чтобы справиться с Гостями, были вынуждены приехать из самого Лондона оперативники агентства «Фиттис», я правильно помню? – спросил Локвуд. – Я читал об этом в «Британском вестнике появлений призраков».

– Местным жителям запретили тогда нос высовывать на улицу, и пока агенты работали, мы должны были сидеть по домам, закрыв окна ставнями. Но я все равно сумела подсмотреть. Видела, как в лунном свете плывут над дорогой эти призраки. Похожие на маленьких девочек светящиеся размытые облачка.

– На маленьких девочек? – удивленно посмотрел на меня Локвуд. – А я думал, это были призраки погибших под землей шахтеров.

– Поначалу да, но это были Перевертыши. Перед тем как исчезнуть, они несколько раз меняют свое обличье.

– Понятно, – кивнул Локвуд. – Звучит правдоподобно... Ну, хорошо. Если так, то совершенно очевидно, что о своем Даре вы узнали с самого детства. О том, что обладаете способностью Видеть лучше, чем большинство других детей. К тому же в вас уже тогда было достаточно отваги, чтобы использовать свой Дар. Однако из вашего письма следует, что способность Видеть – не единственное и не самое сильное ваше качество. Вы способны также Слышать. А еще у вас есть способность Осязать.

– Вообще-то моя самая сильная сторона – умение Слышать, – сказала я. – С раннего детства я начала слышать шепчущие на улице голоса, причем после наступления комендантского часа, когда все жители городка сидят по своим домам. Правда, Осязание у меня тоже острое, хотя часто сливается с тем, что я слышу. Эти два ощущения сложно разделить одно от другого. По-моему, Осязание – это что-то вроде спускового крючка, который высвобождает эхо минувших событий.

– В этом неплохо разбирается Джордж, – сказал Локвуд. – Я – нет. Я Гостей не слышу. Моя сильная сторона – зрение. Я способен Видеть свечение смерти, следы призраков и прочие мерзкие вещи... Не самое веселое зрелище, – усмехнулся он. – Ну хорошо, вернемся к делу. Итак, вы прошли курс обучения у местного агента... – он заглянул в свои бумаги, – ...у местного инспектора по фамилии Якобс, правильно?

Я вежливо улыбнулась, хотя у меня свело желудок от напряжения – наш разговор сворачивал на опасную тему.

– Да, это так.

– И несколько лет работали с ним.

– Верно.

– Он обучал вас, и вы под его руководством поднялись до агента Четвертого разряда?

– Да, – слегка заерзала я в своем кресле. – Прошла с ним все разряды от Первого до Четвертого.

– Хорошо, – Локвуд поднял на меня глаза. – Однако, как я заметил, выпускного аттестата у вас нет. И нет даже рекомендательного письма от мистера Якобса. Это несколько странно, вы не находите? В подобных случаях наставник всегда дает своему ученику хотя бы письменную рекомендацию.

– Он ничего мне не дал, – глубоко вздохнула я. – Наше сотрудничество прервалось... внезапно.

Локвуд молчал. Он явно ждал продолжения.

– Если хотите услышать всю историю, я могу ее рассказать, – тяжело вздохнув, сказала я. – Видите ли, я... Я просто не выдержала, вот и все.

Я помедлила, слушая, как колотится в груди мое сердце. Все предыдущие собеседования заканчивались именно на этом месте.

– Ладно, расскажете подробнее в другой раз, – Локвуд улыбнулся. От его улыбки в комнате сразу стало еще светлее. – Знаете, не могу понять, что это Джордж там так долго копается. Приготовить чай за такое время могла бы даже дрессированная обезьяна. Ну хорошо, перейдем к тестам.

– Что это за тесты? – поспешно поинтересовалась я. – Вы будете задавать мне вопросы?

– Не совсем так. Видите ли, мисс Карлайл, я не слишком доверяю рекомендациям и свидетельствам, с которыми приходят на собеседование кандидаты на вакантную должность. Предпочитаю увидеть их Дар в действии своими собственными глазами... – он взглянул на свои часы. – Даю Джорджу еще минуту, а за это время кое-что расскажу вам о нас. Мы новое агентство, лицензию получили всего три месяца назад. Мы, конечно, зарегистрированы в ДЕПИК – Департаменте парапсихологических исследований и контроля, но не состоим у них на дотации, как «Фиттис» или «Ротвелл» и другие крупные агентства. Мы независимое агентство, и нас это вполне устраивает. Это позволяет нам браться только за ту работу, которая нам действительно интересна. Все наши клиенты – это частные лица, у которых возникли проблемы с Гостями, решить которые они хотят быстро и тихо. Мы решаем их проблемы. За это клиенты платят непосредственно нам. И платят весьма неплохо. Вот, пожалуй, и все. Есть вопросы?

Проскочив самую опасную, как мне казалось, часть собеседования, я почувствовала облегчение. Теперь только бы ничего не испортить. Я выпрямилась в кресле, аккуратно сложила руки на коленях и спросила:

– А кто ваши старшие инспекторы? С ними я тоже должна буду встретиться?

Локвуд на секунду нахмурил лоб:

– У нас нет старших инспекторов. Нет взрослых. Это мое агентство. Я им руковожу. Джордж Каббинс – мой заместитель. Некоторых кандидатов это смущает и они предпочитают уйти. Вас это тоже смущает?

– Нет, – ответила я. – Мне это даже нравится, – и, немного помолчав, добавила: – Значит... вас в агентстве только двое? Вы и Джордж?

– Обычно у нас есть еще один помощник. Справиться с большинством Гостей можно, как правило, вдвоем, однако в сложных случаях необходима помощь третьего. Да и вообще, знаете ли, тройка – число магическое.

– Понимаю, – медленно кивнула я. – А что случилось с вашим предыдущим помощником?

– С беднягой Робинотом? Он... э... ушел.

– В другое место?

– Не совсем, хотя можно сказать и так. На самом деле он умер.... О, отлично! Вот и чай наконец!

Дверь гостиной отворилась, и в нее спиной вперед протиснулся толстячок Джордж. Войдя, он чинно развернулся и подошел к нам, неся поднос с дымящимися чашками и тарелкой печенья. Не знаю, чем он занимался все это время там, на кухне, но вид у него был еще более неряшливый, чем прежде, – футболка совсем вылезла из джинсов, на глаза свалилась спутанная челка. Он поставил поднос на стол рядом с прикрытым платком предметом и неодобрительно покосился на меня:

– Все еще здесь? А я думал, что вас и след простыл.

– Мы еще не приступали к тестам, Джордж, – улыбнулся Локвуд. – Но теперь, пожалуй, самое время.

– Хорошо, – Джордж взял самую большую чашку и вместе с ней уселся на диван.

Последовала обычная церемония, когда раздаются чашки, предлагается и берется или отклоняется сахар.

– Берите печенье, – сказал Локвуд, придвигая ко мне тарелку. – Прошу. И не мешкайте, иначе Джордж съест все.

– Спасибо.

Я взяла печенье. Локвуд откусил большой кусок от своего печенья и отряхнул с рук крошки.

– Так, – сказал он. – А теперь несколько тестов, мисс Карлайл. Не волнуйтесь, это не страшно. Вы готовы?

– Конечно.

Я чувствовала на себе пристальный взгляд Джорджа, ощутила напряжение, скрывавшееся за беззаботным тоном Локвуда. Но эти ребята имели дело с агентом, который один сумел уцелеть во время той трагедии на мельнице Уизбурн. Так что их тесты меня не пугали, я за свою жизнь успела всякого насмотреться.

– Начнем вот с этого, – сказал Локвуд. Он лениво протянул руку к лежащему на столе предмету и, выдержав театральную паузу, снял накрывающий его платок.

На столе стоял невысокий цилиндр из толстого прозрачного стекла, плотно закрытый сверху красной пластиковой пробкой. На верхней части цилиндра имелись маленькие ручки, за которые можно было его брать – в целом цилиндр напомнил мне большие стеклянные бутылки, в которых мой папаша варил свое пиво. Только вместо вонючей коричневатой жидкости цилиндр был наполнен мутным желтоватым дымом. Этот дым не висел неподвижно, он медленно перемещался внутри цилиндра. А в глубине дымного облака притаилось что-то большое и темное.

– Как вы думаете, что это? – спросил Локвуд.

Я наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть цилиндр, и увидела несколько вплавленных в стекло защитных серебряных полосок и двойные печати. На боку цилиндра имелся маленький значок – глаз в солнечном диске, от которого расходятся лучи.

– Это контейнер с серебряной защитой, – сказала я. – Изготовлен корпорацией «Санрайз».

Локвуд кивнул и слегка улыбнулся. Я наклонилась еще ближе. Постучала ногтем по стенке цилиндра – на стук протянулись дымные щупальца, сам дым стал при этом гуще, затем отплыл в сторону, и показался предмет, лежавший за дымовой завесой внутри цилиндра. Это был человеческий череп, коричневый, покрытый пятнами и прикрепленный к дну цилиндра.

Полосы дыма свивались, перекручивались, они нарисовали нечто, напоминающее ужасное лицо с пустыми выпученными глазами и широко раскрытым ртом.

На секунду дымная маска наложилась на череп, и я невольно отпрянула от цилиндра. Лицо вновь превратилось в дымные струйки, расплывшиеся внутри цилиндра и вскоре неподвижно застывшие.

– Ну что ж, – откашлявшись, сказала я. – Это призрак-банка. Череп – это Источник, к которому привязан призрак. Какого типа сам призрак, точно сказать не могу. Возможно, Фантазм. Или Спектр.

Говоря это, я постаралась придать своему лицу такое выражение, будто каждый день сталкиваюсь с заключенными в банку призраками. На самом деле, такое я видела впервые, и это видение призрака напугало меня. Но, честно говоря, напугало не слишком сильно – услышав истошные вопли девушки, которая была здесь передо мной, я была готова к чему-то подобному. К тому же мне уже доводилось слышать о таких контейнерах с призраками.

Локвуд озадачился, словно не зная, как ему реагировать – удивиться, быть довольным или, напротив, огорчиться. В итоге победило второе.

– Да, все верно, – сказал он. – Отлично.

Он снова прикрыл цилиндр платком и с некоторым усилием убрал контейнер с глаз подальше, под стол.

– Она испугалась, – сказал Джордж, громко прихлебывая чай. – Ты тоже должен был заметить это.

Я решила оставить слова толстяка без внимания.

– Где вы взяли эту призрак-банку? – спросила я. – Мне казалось, что такие контейнеры имеются только у «Ротвелла» и «Фиттис».

– Все вопросы потом, – сказал Локвуд. Он вытянул на себя выдвижной ящик кофейного столика и вытащил из него небольшую красную коробочку. – А теперь, с вашего позволения, мне хотелось бы проверить ваш Дар. Здесь у меня есть несколько предметов. Пожалуйста, скажите мне, если сможете, что вы ощущаете, рассматривая их.

С этими словами он открыл коробочку и вынул спрятанный в ней предмет.

Это оказалась ничем не примечательная чашка из старого белого фарфора с гофрированным основанием и острой щербинкой на ручке. Внутри чашки – на ее доньшке и вдоль верхнего ободка – имелся какой-то странный белый налет.

Я взяла чашку в руку, закрыла глаза и принялась ее поворачивать, легко проводя пальцами по поверхности.

Я вслушалась, надеясь поймать эхо... Ничего.

Плохо дело. Я тряхнула головой, постаралась сосредоточиться и отсеять все посторонние шумы – шелест шин от проезжающих по улице машин, звук, который издавал, прихлебывая чай, сидевший на диване Джордж. Попробовала еще раз что-нибудь услышать.

Ничего. По-прежнему ничего.

Спустя несколько минут я сдалась:

– Простите. Я ничего не смогла обнаружить.

Локвуд довольно кивнул:

– Так я и думал. Это чашка, в которой Джордж держит свою зубную щетку. Хорошо. Попробуем следующий предмет.

Он взял чашку со стола и швырнул ее Джорджу, который, весело хмыкнув, ловко поймал ее.

Меня слегка знобило, я знала, что у меня пылают щеки. Я подняла с пола свой рюкзак, резко поднялась на ноги и сказала:

– Я сюда не шутики шутить пришла. Не трудитесь, дорогу назад я найду сама.

– О-о, – протянул Джордж. – Злючка.

Я посмотрела на него. На неряшливую копну его волос, на его бесформенное лицо, дурацкие кругленькие очки.

Если бы вы только знали, как раздражало меня в этом парне буквально все!

– Это верно, – сказала я. – Если хочешь, подойди сюда, и я покажу тебе, насколько я действительно злючка.

– Эй, я ведь действительно могу подойти, – моргнул Джордж.

– Что-то не вижу, чтобы ты шевелился.

– Диван тут очень глубокий, никак из него не выберешься.

– Хватит, прекратите, вы оба, – сказал Энтони Локвуд. – Это собеседование, а не боксерский поединок. Заткнись, Джордж. А вы, мисс Карлайл, примите мои извинения. Но поверьте, это был очень серьезный тест, который вы с блеском прошли. Знали бы вы, сколько историй я наслушался за сегодняшнее утро про эту чашку! Эту несчастную посудину кое-кто объявил орудием отравления, суицида и даже убийства. Так что успокойтесь, прошу вас, и сядьте на место. Скажите лучше, что вы думаете вот об этом?

Из стоящего под столом ящика он вынул три новых предмета и положил их передо мной. Мужские наручные часы с позолоченным ободком на старом коричневом кожаном ремешке. Кружевная красная лента. И узкий перочинный нож с длинным лезвием и костяной рукояткой.

Мое раздражение прошло. Я больше не обижалась на Локвуда и даже на Джорджа. Похоже, теперь меня ждало настоящее испытание. Под ледяным взглядом Джорджа я слегка раздвинула предметы, чтобы их скрытые фактуры (если они были) не наслаивались друг на друга. Затем отключила все посторонние мысли, закрыла глаза и принялась один за другим изучать предметы.

Время шло. Я закончила, проверив все три предмета.

Открыв глаза, я увидела, что Джордж погрузился в толстенный комикс, который выудил неизвестно откуда, а Локвуд сидит, как и прежде, сложив руки и наблюдая за мной.

Я сделала большой глоток остывшего чая.

– Кто-нибудь из других кандидатов справился с этим заданием? – негромко спросила я.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Локвуд, улыбаясь.

– Ощущения было сложно отделить друг от друга, – сказала я. – Наверное, именно поэтому вы и дали мне все эти предметы сразу. Эхо у каждого из них довольно сильное и отчетливое. С чего хотите начать?

– Давайте начнем с ножа.

– Хорошо. Нож излучает несколько противоречивых эхо. Мужской смех, ружейные выстрелы и – возможно – пение птиц. К этому примешивается отголосок смерти, но без оттенка жестокости или печали. В целом эхо ножа можно назвать спокойным, почти счастливым.

Я посмотрела на Локвуда. Его лицо ничего не выражало.

– А что можете сказать насчет ленты?

– Эхо на ленте по силе слабее, чем на ноже, но сильнее по эмоциям, – сказала я. – Думаю, мне удалось расслышать плач, но очень неотчетливый. Гораздо

сильнее на ленте эхо печали. Когда я держала ее в руках, мне казалось, что у меня может разорваться сердце.

– А часы? – спросил Локвуд, внимательно глядя на меня. Джордж продолжал листать свой комикс «Удивительные арабские ночи».

– Часы... – я сделала глубокий вдох. – Эхо здесь не такое сильное, как на ленте или ноже, это заставляет меня предположить, что владелец часов еще не умер – или, во всяком случае, был жив, когда носил их. Но смерть в эхе часов все же присутствует. Сильный отзвук смерти. И это эхо очень... неприятное. Я слышала громкие голоса, крики... – Я поежилась и посмотрела на мирно поблескивающие на столе часы. Каждая царапина на этом позолоченном ободке, каждая заусеница на кожаном ремешке наполняли меня ужасом. – Это очень злая вещь, – сказала я. – Я не смогла долго держать их в руках. Не знаю, откуда вы взяли эти часы, но никому не советую притрагиваться к ним. И просила бы вас больше не использовать их для своих дурацких собеседований.

Я наклонилась вперед, взяла с тарелки два оставшихся печенья и принялась жевать их, откинувшись на спинку кресла. Я впала в состояние, когда тебе на все наплевать, и запрокинула голову, уставившись в небо за окном. Я устала. В конце концов, это было мое седьмое собеседование меньше чем за неделю. Я сделала все, что могла, а оценит ли это Локвуд и его жирный дружок Джордж, мне было уже безразлично. Честно-честно, меня больше совершенно не волновало, чем закончится это собеседование.

Долгое время все молчали. Локвуд сидел, сцепив руки между коленями, и напоминал священника, с ничего не выражающим лицом сидящего на унитаза. Джордж по-прежнему листал свой комикс. По-моему, его вовсе не интересовало, здесь ли я или уже ушла.

– Ну что ж, – сказала я наконец. – Как найти дверь на улицу, я помню.

– Объясни ей правило печенья, – сказал Джордж.

– Что? – посмотрела я на него.

– Объясни ей, Локвуд, причем прямо сейчас. Иначе мы на нем разоримся.

Локвуд согласно кивнул.

– Правило такое, – сказал он. – Каждый член нашего агентства берет только по одному печенью, и все делают это по очереди. Все должно быть по-честному. По два печенья сразу у нас не берут даже для того, чтобы снять стресс.

– По одному печенью за раз?

– Верно.

– Вы хотите сказать, что я принята?

– Разумеется, вы приняты, – сказал Локвуд.

7

Особняк на Портленд-роу, 35, служивший агентам «Локвуд и Компания» одновременно жилым домом и офисом, был необычным местом. Казавшийся с улицы приземистым и квадратным, он на самом деле располагался на вершине небольшого склона, и его задняя стена опускалась под углом к заброшенному, обнесенному кирпичными стенами саду, а сам дом скорее напоминал пирамиду. В доме было четыре этажа, считая от самого маленького мансардного до просторного цокольного. Верхние три этажа считались жилыми, а цокольный – офисным, но это деление было довольно условным. На жилых этажах, например, были всевозможные потайные двери, которые вели в оружейные комнаты, или становились, если их открыть, досками для дартса, или раскладывались как запасные кровати, или превращались в огромные, утыканные разноцветными булавками карты Лондона.

А в цокольном, считавшемся офисным, этаже имелась прачечная – это означало, что здесь можно потренировать уэссекские полувыпады рапирой на свисающих с веревки у тебя над головой рядах носков или под громкое гудение стиральной машины наполнять бомбочки из ящика с солью.

Я сразу же полюбила этот дом, хотя он не переставал удивлять и озадачивать меня. Он был большой, старомодно обставленный, но при этом в нем нигде не наблюдалось следов присутствия взрослых. Здесь жили только Энтони Локвуд и его заместитель Джордж. А теперь еще и я.

В первый же день моей работы в агентстве Локвуд провел меня по дому. Вначале показал мне верхний этаж со скошенными, как во всех мансардах, стенами. Здесь было всего два помещения – крошечная ванная комната с раковиной, душем и унитазом (все они буквально налезали друг на друга) и очень миленькая спальня, в которую умудрились втиснуть кровать, небольшой шкаф и комод. Расположенное напротив кровати сводчатое слуховое окно выходило на Портленд-роу, которая была видна отсюда до самой призрак-лампы на углу.

– Здесь я спал, когда был маленьким, – сказал Локвуд. – Потом она много лет пустовала. Наш последний агент, упокой Господи его душу, предпочитал жить у себя дома. Можете занять эту спальню, если хотите.

– Спасибо, – ответила я. – С огромным удовольствием.

– Я знаю, ванная здесь тесная, но зато будет вашей собственной. Внизу есть еще одна ванная, попросторнее, но это значит, что вы с Джорджем будете вытираться одними и теми же полотенцами.

– Я думаю, что прекрасно устроюсь здесь.

Мы покинули мансарду и спустились по узкой лестнице.

Лестничная площадка внизу была темной и угрюмой, в ее центре лежал круглый золотистого цвета коврик. В углу висели полки, беспорядочно забитые книгами. Я заметила потрепанные «Ежегодники Фиттис», «Парапсихологические теории» Мотгрема и массу книжек в дешевых бумажных переплетах – в основном это были низкопробные триллеры, детективы и фантастика, однако попадались и очень серьезные исследования по религии и философии. Так же, как в холле и нижней гостиной, стены украшали туземные артефакты, вплоть до чего-то вроде трещоток, сделанных, как мне показалось, из человеческих костей.

Локвуд заметил, что я разглядываю трещотку, и сказал:

– Трещотка. Полинезия. Деятнадцатый век. Предназначена для того, чтобы своим звуком отгонять злых духов.

– И как, работает?

– Понятия не имею. Еще не испытывал ее в деле. Но, может быть, стоит попробовать, – затем он указал мне на дверь рядом с площадкой: – А это ванная, если вдруг она вам понадобится. Дальше, вот здесь, моя комната, а это комната Джорджа. Советую входить к нему с опаской. Однажды я зашел, а Джордж в это время голышом занимался йогой.

Не без труда прогнав из головы образ стоящего на голове голого Джорджа, я спросила:

– Значит, вы живете в этом доме с самого детства?

– Да, он принадлежал моим родителям. Теперь он мой. И ваш, разумеется, пока вы работаете с нами.

– Благодарю. Скажите, а ваши родители...

– А теперь я покажу вам кухню, – перебил Локвуд. – Думаю, там сейчас Джордж готовит обед.

И он повел меня вниз по лестнице.

– А что здесь? – спросила я, неожиданно заметив еще одну дверь, о которой Локвуд не упомянул.

Дверь с виду была самой обычной и находилась рядом с комнатой Локвуда.

– Это, с вашего позволения, моя частная территория, куда прошу никого не заходить. Не переживайте, ничего интересного там нет. Ну, пошли! Мы еще многое не осмотрели.

Цокольный этаж, в котором имелись гостиная, библиотека и кухня, был, несомненно, сердцем дома. На кухне мы проводили большую часть свободного времени. Здесь мы собирались перед выходом на расследование, чтобы выпить чаю с бутербродами, на кухне же встречались и перекусить наутро после работы. Обстановка кухни соответствовала месту, где люди и работают, и отдыхают. Рядом с обычной домашней утварью – сковородками, кастрюлями, пакетами с чипсами – лежали тщательно взвешенные, приготовленные к бою мешочки с солью и железными опилками. Здесь же в ведре, стоящем за корзинами с овощами, отмокали испачканные эктоплазмой рапиры. Посреди кухни стоял старинный дубовый стол, накрытый белой скатертью, которая была испещрена торопливыми заметками, диаграммами и рисунками, изображавшими несколько подвидов Гостей – Райзов, Отшельников и Теней.

– Мы называем ее скатертью для размышлений, – пояснил Локвуд. – Мало кому известно, но кости Фенчерчского Райза я обнаружил, набрасывая здесь план улицы, прихлебывая чай и жуя тосты с сыром в четыре часа утра. Скатерть позволяет нам сохранять свои воспоминания, теории, пришедшие в голову интересные мысли... Очень полезная штука.

– А еще через нее можно общаться, когда разругаешься и не разговариваешь друг с другом, – добавил Джордж.

Он стоял в это время у плиты и готовил «вечерний перекус».

– Э... И часто такое случается? – спросила я.

– Нет-нет-нет, – заверил меня Локвуд. – Почти никогда.

А Джордж, с мрачным видом помешивая что-то на сковородке, обнадежил:

– Погодите немного – и сами увидите.

– Ну хорошо, – потер руки Локвуд. – Я уже показывал вам офис? Нет? Спорю, вы никогда не догадаетесь, где у него вход. Смотрите – вот здесь!

Оказалось, что в офис на цокольном этаже агентства «Локвуд и Компания» можно попасть прямо из кухни. Дверь, которая в него вела, на самом деле не

была потайной – ее ручка находилась на самом виду – но снаружи ничем не отличалась от двери в какой-нибудь самый обычный чулан или кладовку. Тот же размер, цвет, такая же ручка, как на других дверях, выходящих на кухню. Но открыв эту дверь, ты оказываешься на слабо освещенной лестничной площадке, от которой круто уходит вверх винтовая лестница.

А от подножия лестницы уходила вдаль анфилада открытых, с голыми кирпичными стенами, комнат, разделенных не дверями, а колоннами, арками или оштукатуренными выступами стен. Солнечный свет проникал сюда через большое окно, выходящее на заросший двор перед домом с одной стороны, и ряд слуховых окон, расположенных вдоль противоположной стены. Самая большая из этих комнат вмещала в себя три стола, картотеку, два потертых зеленых кресла и довольно хлипкую книжную полку, на которой Локвуд держал свои бумаги. На среднем из столов лежал большой гроссбух в черном переплете.

– Наш рабочий журнал, – сказал Локвуд, заметив, что я разглядываю гроссбух. – В нем записана история всех наших расследований. Его ведет Джордж, он же все сверяет со сведениями из нашей картотеки. Джордж любит такую работу. А я обычно сразу берусь за любое задание, которое нам предлагают.

Я оглядела стоящие на полке папки. На корешке каждой из них был написан вид и подвид призрака, сведения о котором собраны в этой папке. Первый тип: Тени. Первый тип: Луркеры. Второй тип: Полтергейсты. Второй тип: Фантазмы – ну и так далее. В самом конце ряда притулилась тощая папочка с надписью Третий тип. Я удивленно наклонила голову набок:

– Вам действительно приходилось иметь дело с Третьим типом?

– Вряд ли, – пожал плечами Локвуд. – Я даже не уверен, что такой тип вообще существует.

За аркой главного офиса находилась боковая комната, абсолютно пустая, если не считать стойки с рапирами, чаши с тальком и двух соломенных чучел Гостей, свисающих на железных цепях с потолочной балки. На голове одного чучела был женский чепчик, на голове второго – мужской цилиндр. Оба чучела во многих местах были проколоты рапирами.

– Познакомьтесь с Джо и Эсмеральдой, – сказал Локвуд. – Мы назвали их в честь Леди Эсмеральды и Блуждающего Джо. Ну, помните, это два знаменитых призрака, о которых писала Марисса Фиттис в своих «Воспоминаниях». Это, само собой, наш фехтовальный зал. Здесь мы тренируемся каждый день. Полагаю, вы очень хорошо владеете рапирой, если у вас Четвертый разряд... – он внимательно посмотрел на меня.

– Да, – кивнула я. – Разумеется.

– ...но это не значит, что не нужно поддерживать себя в форме, правда? Очень хочется поскорее увидеть вас в деле. Ну, а здесь, – Локвуд подвел меня к встроенной в стену и запертой на замок металлической двери, – наше тайное хранилище. Давайте заглянем в него.

Тайное хранилище оказалось просто еще одной, только полностью изолированной, комнатой – маленькой, без окон, заставленной полками и ящиками. Здесь хранилось все самое необходимое снаряжение – серебряные печати, железные цепи, банки с греческим огнем и солью, закупленные, судя по этикеткам, у корпорации «Санрайз». Здесь же хранился накрытый тканью стеклянный цилиндр с запечатанным в нем коричневым черепом и эктоплазмическим призраком.

– Джордж иногда берет этот цилиндр, чтобы провести с ним некоторые эксперименты, – пояснил Локвуд. – Он пытается выяснить, каким образом призраки реагируют на различные раздражители. Лично я предпочел бы уничтожить эту штуковину, но Джордж так к ней привязался...

Я с опаской покосилась на цилиндр. Так же, как и во время собеседования, я могла почти различить экстрасенсорный шум, похожий на едва слышное жужжание.

– Э... А откуда вы его взяли? – поинтересовалась я.

– А, стащили. Как-нибудь расскажу вам об этом подробнее. Вообще-то это не единственный трофей, который у нас имеется. Взгляните сюда.

В задней стене находилась современная стеклянная дверь, усиленная железными полосками и выходящая в сад. Рядом с ней к кирпичной стене были

привинчены четыре полки. На них стояли контейнеры из сплавленного с серебром стекла, и в каждом из них находился какой-нибудь предмет.

Некоторые из этих предметов были старинными, другие – современными. Среди них я заметила колоду игральных карт, длинный светлый локон волос, испачканную кровью женскую перчатку, три человеческих зуба, сложенный мужской шейный платок. В самом большом контейнере хранилась мумифицированная рука – почерневшая и сморщившаяся, как гнилой банан. Рука лежала на красной шелковой подушечке.

– Это рука одного пирата, – пояснил Локвуд. – Предположительно семнадцатый век. Принадлежала одному парню, которого вздернули и высушили на солнце в доке для смертных казней. На этом месте сейчас стоит гостиница «Мышь и Мушкет». Его дух был Луркером и успел нагнать страху на официанток из гостиничного бара, прежде чем я откопал эту руку. Все эти вещицы мы собрали с Джорджем за время нашей работы. Некоторые из них – настоящие Источники, и они очень опасны. Их следует держать крепко запертыми, особенно по ночам. Другие не так опасны, с ними – если вы медиум – просто следует обходиться с осторожностью, как с теми тремя предметами, которые я давал вам во время собеседования.

Я сама увидела эти знакомые предметы на нижней полке – нож, ленту и мерзкие часы.

– Кстати, – сказала я, – вы так и не рассказали мне, что это за вещи.

– Извините, – кивнул Локвуд. – Я не думал, что они произведут на вас такое сильное впечатление. Итак, этот нож принадлежал моему дяде, который жил в деревне. Он брал его с собой на прогулки и на охоту. Нож был при дяде, когда тот погиб от внезапного сердечного приступа как раз в ту секунду, когда выстрелил в дикую утку. Дядя был добрым, мягким человеком, и нож сохранил эти черты его характера.

Я вспомнила ощущения, которые появились у меня, когда я ощупывала нож, и сказала, кивнув:

– Согласна.

– А лента попала сюда из могилы, которую вскрыли на кладбище Кенсал Грин, когда устанавливали в прошлом году железный барьер по его периметру. В гробу были женщина и младенец. Лента была у женщины в волосах.

Ко мне возвратились чувства, которые я пережила, трогая этот кусочек шелка, и у меня на глаза навернулись слезы. Я закашлялась и стала сосредоточенно рассматривать другие контейнеры на полке. Я не хотела показать Локвуду свою слабость. Слабость – это то, чем питаются Гости. Слабость и неконтролируемые эмоции. Хороший агент должен всегда держать себя в руках и иметь стальные нервы. У моего прежнего руководителя Якобса сдали нервы – и чем это обернулось? Тем, что я едва не умерла.

– А часы? – спросила я, стараясь говорить холодно и равнодушно.

Прежде чем ответить, Локвуд внимательно посмотрел на меня.

– Да... часы. Вы правильно прочитали на них следы злодейства. А вообще-то эта вещь напоминает о моем самом первом успешном расследовании, – Локвуд сделал многозначительную паузу. – Не сомневаюсь, что вы слышали об убийце по имени Гарри Крисп?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/straud_dzhonatan/krichaschaya-lestnica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)